БРЮС КЭМЕРОН

Путешествие хорошего пса

Роман о друге, который никогда не предаст.

New York Times

Тот, кто не предаст. Люди и их питомцы

Брюс Кэмерон

Путешествие хорошего пса

«Эксмо»
2012

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кэмерон Б.

Путешествие хорошего пса / Б. Кэмерон — «Эксмо», 2012 — (Тот, кто не предаст. Люди и их питомцы)

ISBN 978-5-699-85985-6

Брюс Кэмерон написал удивительную историю о надежде, любви и бесконечной преданности собаки. Малыш – очаровательный и добрый пес. Он прожил насыщенную событиями жизнь и выполнил свое предназначение – помог Итану, своему хозяину, стать счастливым… И теперь, когда хозяина больше нет, Малыш очень скучает. Но Клэрити, внучка Итана, не дает ему унывать. Когда она вырастет, ей тоже понадобится друг, который будет защищать ее от неприятностей. Почему бы Малышу не стать таким другом? Судьба дарит храброму псу новый шанс и новую жизнь, ведь его предназначение – служить людям, помогать им справляться с невзгодами.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-85985-6

© Кэмерон Б., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 11
Глава третья 16
Глава четвертая 19
Глава пятая 23
Глава шестая 27
Глава седьмая 31
Глава восьмая 37
Глава девятая 42
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Брюс Кэмерон
Путешествие хорошего пса

W. Bruce Cameron
A DOG’S JOURNEY: A NOVEL
Copyright © 2012 by W. Bruce Cameron
Copyright © Photograph by Ute Ville

© Анищенко О., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава первая

Сидя на залитой солнцем деревянной пристани, уходящей в пруд, я твердо знал, что меня зовут Малыш и я хороший пес.

Шерсть на моих лапах была такой же черной, как и на всем теле, хотя внизу она уже чуть-чуть поседела. Я прожил долгую и полноценную жизнь с моим мальчиком Итаном, и на этой самой пристани – здесь, на Ферме – провел много ленивых послеобеденных часов, плавая или весело гавкая на уток.

Это второе лето без Итана. Когда он умер, я почувствовал боль, острее которой никогда не испытывал. Со временем она стихла и превратилась в обычную ноющую боль в животе. И только в моих снах, где мы с Итаном бегали вместе, мне было легче.

Я – старый пес и знаю, что вскоре опять засну глубоким сном, как бывало со мной уже не раз. Так же, как в моей первой глупой жизни под именем Тоби, когда у меня не было настоящей цели, кроме игр с другими собаками. Так же, как в моей жизни под именем Бейли, когда я впервые встретил своего мальчика, и любовь к нему стала для меня смыслом существования. Так же, как в жизни под именем Элли, когда мне следовало отыскивать и спасать людей. И когда я снова погружусь в глубокий сон в конце этой жизни под именем Малыш, я уверен, что больше не вернусь в мир собакой – нет в этом смысла, ведь я выполнил свое предназначение. Произойдет это сейчас или следующим летом, неважно. Итан… Любить Итана – вот что было моим высшим предназначением, и никто не сделал бы это лучше меня. Я был его хорошим псом.

И все же…

Все же я сидел здесь и наблюдал за ребенком, одним из многих в семье Итана, неуверенно шагающим к краю пристани. Эта девочка недавно научилась ходить и поэтому слегка пошатывалась. На ней были пышные белые штанишки и тоненькая рубашка. Я представил, как прыгаю в воду и вытаскиваю ее на поверхность за эту рубашку.

Мама ребенка, Глория, безмятежно разлеглась в шезлонге с кусочками овощей на глазах. Поначалу она держала поводок, прикрепленный к талии маленькой девочки, но потом он выпал из ее руки и волочился за малышкой, пока та настойчиво продвигалась к краю пристани, все ближе и ближе к воде.

Когда я был щенком, отпущенный поводок всегда давал мне возможность исследовать мир, и реакция маленькой девочки была точно такой же.

Глория приезжала на Ферму редко. Впервые она была здесь зимой, еще при жизни Итана. Тогда, вручив ему малышку, она назвала его «дедушка». После отъезда Глории я много раз слышал, как Итан со своей подругой Ханной говорили о ней, и в их голосах звучала печаль.

Еще они произносили имя Клэрити. Так звали малышку, хотя Глория часто называла ее Клэрити Джун.

Я уверен, Итану понравилось бы, что я присматриваю за Клэрити, с которой постоянно происходили какие-то неприятности. Буквально на днях я сидел и с грустью наблюдал, как малышка подползла к кормушке для птиц и засунула себе в ротик две полные жмени птичьего корма, выпавшего на землю. В мои обязанности входило отгонять от кормушки белок; я совершенно не знал, как вести себя с Клэрити, застав ее за этим занятием. Я понимал, что птичий корм вряд ли предназначен для ребенка. И был прав: когда я наконец решился и несколько раз гавкнул, Глория буквально подскочила с полотенца, на котором лежала пластом, и очень разозлилась.

Я и сейчас посмотрел на Глорию – гавкнуть? Дети часто прыгали в пруд, но они были гораздо старше этой маленькой девочки, малышам же возраста Клэрити разрешалось захо-

дить в воду только со взрослыми. А судя по тому, как настойчиво девочка двигалась к краю пристани, она непременно туда угодит. Я поглядел в сторону дома. Там была Ханна, которая возилась с цветами возле подъездной дорожки – слишком далеко, чтобы успеть подбежать, если Клэрити упадет в пруд. Нет сомнений, Ханне тоже понравилось бы, что я присматриваю за малышкой. Это было мое новое предназначение.

Клэрити подходила все ближе и ближе к краю. Я снова заскулил, уже громче.

– Тихо, – шикнула Глория, не открывая глаз. Я не понял, что она сказала, но голос у нее был определенно недовольный.

Клэрити даже не обернулась. Добравшись до края пристани и не удержавшись там, она плюхнулась в воду. Мои когти полоснули по деревянной пристани, когда я оттолкнулся для прыжка в пруд. Клэрити отчаянно барахталась. Ей удалось немного подняться к поверхности, но голова все еще находилась под водой. Я подплыл в считаные секунды, и мои зубы мягко сомкнулись на ее рубашке. Я вытащил голову малышки на поверхность и стал двигаться в сторону берега.

– Боже! Клэрити! – закричала Глория. Она обежала причал и бросилась к воде как раз в тот момент, когда мои лапы нащупали скользкое дно пруда.

– Плохой пес! – закричала она, выхватив у меня Клэрити. – Ты плохой, очень плохой пес!

Я виновато опустил голову.

– Глория! Что случилось? – подбежала Ханна.

– Ваша собака только что столкнула малышку в пруд. Клэрити могла утонуть! Мне пришлось прыгнуть в воду, чтобы ее спасти, и теперь я вся мокрая!

По их голосам я понял, что обе очень огорчены.

– Малыш? – Ханна вопросительно посмотрела на меня.

Я не смел поднять на нее глаза, только чуть-чуть вильнул хвостом, разбрызгав воду с поверхности пруда. Я не понимал, что именно я сделал не так, но определенно все были расстроены из-за меня. Все, кроме Клэрити. Я рискнул взглянуть на нее, почувствовав, что она хочет вырваться из объятий матери – ее крохотные ручонки тянулись ко мне.

– Маыш, – пролепетала она. Штаны облепили ее ножки, по ним стекала вода. Я опять опустил глаза.

Глория раздраженно выдохнула.

– Ханна, возьмите ребенка. Ей надо поменять подгузник, а я хочу полежать на животе, чтобы загар был одинаковым с обеих сторон.

– Конечно, – ответила Ханна. – Пойдем, Малыш.

Слава богу, инцидент был исчерпан. Я выпрыгнул из воды, виляя хвостом.

– Не брызгай! – Глория поскакала по пристани, прочь от меня. Я услышал предупреждение в ее голосе, однако не был уверен, что понял ее, и хорошенько встряхнулся с головы до кончика хвоста, чтобы высушить шерсть.

– Фу, нет! – завизжала Глория. Затем она сделала мне строгий выговор, грозя пальцем и используя множество слов, значения которых я не понимал. Она еще несколько раз повторила: «Плохой пес», я опустил голову и зажмурился.

– Малыш, пойдем, – сказала Ханна. Ее голос звучал мягко, и я послушно последовал за ней в дом.

– Маыш, – повторяла Клэрити. – Маыш.

Когда мы подошли к крыльцу дома, странный привкус во рту заставил меня остановиться. Он мне знаком: напомнил случай, когда я вытянул из мусорного бака тонкий железный поднос, пропитанный сладкими ароматами, и, начисто вылизав поверхность, решил попробовать его на зуб. Вкус у металла был плохой, поэтому я сплюнул. Сейчас же я никак не мог избавиться от этого привкуса: он прилип к языку и пробрался в нос.

– Малыш? – Ханна стояла на крыльце, пристально глядя на меня. – Что случилось?

Я завилял хвостом и вскочил на крыльцо. А когда она открыла дверь, вошел в дом первым. Я всегда радовался, проходя в эту дверь, неважно, в дом или из дома, так как это обещало что-то новое.

Потом я сторожил Ханну и Клэрити, которые играли в новую игру. Ханна относила Клэрити на верх лестницы и наблюдала, как та разворачивалась и пятилась вниз по ступенькам.

– Хорошая девочка, – повторяла Ханна, а я вилял хвостом. Когда Клэрити добиралась до нижней ступеньки, я целовал ее в лицо, она заливалась смехом, а затем протягивала ручки к Ханне.

– Исе, – упрашивала девочка. – Бабуся, исе. Исе.

Ханна поднимала ее, целовала и опять относила на верхнюю ступеньку.

Почувствовав уверенность, что им ничто не угрожает, я перебрался на свое любимое местечко в гостиной, покрутился и, вздохнув, лег. Через несколько минут Клэрити подошла ко мне, волоча свое одеяло. Во рту у нее что-то было, что она жевала, но не проглатывала.

– Маыш! – Девочка плюхнулась на четвереньки, проползла оставшиеся несколько футов, прижалась ко мне, свернулась калачиком и маленькими ручками натянула на себя одеяло. Я обнюхал ее головку – никто во всем мире не пах, как Клэрити. Ее запах наполнил меня теплом, от которого я задремал. Мы еще спали, когда хлопнула москитная дверь, и в комнату вошла Глория.

– Черт, Клэрити! – воскликнула она.

Я приоткрыл сонные глаза. Глория нагнулась и вырвала девочку из-под одеяла. Место, где, прильнув ко мне, лежала Клэрити, странно опустело.

Ханна вышла из кухни.

– Я делаю печенье, – сказала она.

Я поднялся, так как знал это слово, и, виляя хвостом, подошел, чтобы понюхать сладко пахнущие руки Ханны.

– Ребенок спал прямо возле собаки, – сказала Глория.

Я услышал слово «собака», и, как обычно, оно было произнесено таким тоном, будто я ее рассердил. Интересно, дадут ли мне теперь печенье?

– Правильно, – ответила Ханна. – Клэрити спала с ним рядом.

– Я бы предпочла, чтобы мой ребенок не спал рядом с собакой. А вдруг бы Малыш повернулся? Он мог раздавить Клэрити.

Я смотрел на Ханну, пытаясь понять, почему только что произнесли мое имя. Она с беспокойством прижала руку ко рту.

– Я… Хорошо, конечно. Это больше не повторится.

Клэрити еще спала, и ее головка покоилась на плече Глории. Она передала малышку Ханне и со вздохом опустилась за кухонный стол.

– Есть чай со льдом?

– Сейчас дам. – Ханна подошла к кухонной стойке, держа малышку на руках. Она достала какие-то предметы, но печенья я не видел, хотя прекрасно чувствовал его запах в воздухе, сладкий и теплый. Я послушно сидел и ждал.

– По-моему, собаке лучше жить во дворе, пока здесь гостим мы с Клэрити, – сказала Глория. Она отпила чая, когда Ханна подсела к ней за стол. Клэрити заворочалась, и Ханна слегка похлопала ее по спинке.

– Боюсь, это невозможно.

Тяжело вздохнув, я улегся. Не понимаю, почему люди так поступают: говорят про печенье, а потом ничего не дают собаке, которая уж точно его заслужила.

– Малыш – член семьи, – продолжила Ханна. Я вяло поднял голову и взглянул на нее – печенья по-прежнему не было. – Я когда-нибудь тебе рассказывала, как он свел нас с Итаном?

Я замер, услышав имя Итана. В этом доме про него говорили все реже и реже, но всякий раз, когда это происходило, я вспоминал его запах и чувствовал его руку в моей шерсти.

– Собака свела вас вместе? – переспросила Глория.

– Мы с Итаном знакомы с детства и были влюблены друг в друга в старших классах, но после пожара… Ты знаешь про пожар, в котором он повредил ногу?

– Может, ваш сын и говорил, не помню. Обычно Генри говорит только о себе. Вы же знаете, какие они, мужчины.

– Хорошо. После пожара Итан… У него внутри стало как-то темно, а я не была достаточно взрослой, то есть зрелой, и не знала, как ему помочь.

Я почувствовал печаль Ханны и понял, что нужен ей. Я подошел и положил голову ей на колени под столом. Она нежно погладила мою шерсть. Босые ножки Клэрити висели прямо надо мной.

– У Итана тогда тоже была собака, восхитительный золотистый ретривер по имени Бейли. Его бестолковка[1].

Я завилял хвостом, услышав слова «Бейли» и «бестолковка». Всякий раз, когда Итан называл меня бестолковкой, его сердце полнилось любовью, он обнимал и целовал меня, а я целовал его лицо в ответ. Сейчас я скучал по Итану сильнее обычного и чувствовал, что Ханна тоже по нему скучает. Я поцеловал ласкающую меня руку, а Ханна взглянула на мою голову у себя на коленях и улыбнулась.

– Ты тоже хороший пес, Малыш, – сказала она. Услышав эти слова, я опять завилял хвостом. Похоже, что этот разговор таки закончится угощением. – Все же наши пути разошлись. Я встретила Мэтью, мы поженились, и у нас родились Рэчел, Синди и, конечно же, Генри.

Глория издала какой-то звук, но я не смотрел на нее. Ханна гладила меня по голове, и я не хотел, чтобы она прекращала.

– После смерти Мэтью я поняла, что скучаю по детям, и вернулась в город. Однажды, когда Малышу был примерно год, он пришел из собачьего парка за Рэчел домой. У него на шее был медальон, и когда я разглядела его, то сильно удивилась, увидев имя хозяина. А как удивился Итан, услышав мой голос в телефонной трубке! Правда, я подумывала о том, чтобы зайти к нему, спросить, как дела, но, скорее всего, никогда не собралась бы. Мы не очень хорошо расстались. И хотя прошло уже много времени, я… стеснялась, что ли.

– Ой, не говорите мне про расставания, у меня их столько было! – фыркнула Глория.

– Не сомневаюсь, – ответила Ханна. Она посмотрела вниз на колени и улыбнулась мне. – На встрече с Итаном возникло чувство, что мы никогда и не расставались. Мы были созданы друг для друга. Итан был моим единственным, моей второй половинкой. И все же, если бы не Малыш, мы могли и не встретиться снова.

Мне нравилось, когда наши с Итаном имена произносили вслух, и в улыбке Ханны я чувствовал ее любовь.

– Ох, глянь-ка на время! – Ханна поднялась и передала Клэрити матери. Малышка заворочалась, ткнула малюсеньким кулачком в воздух и зевнула. Из духовки с шумом возникло печенье, и разлилась волна вкуснейшего аромата.

Печенье находилось так мучительно близко от моего носа, а мне ни крошки не перепало!..

---

[1] Прозвище, которое мальчик Итан дал Бейли после его оплошности со скунсом. История из предыдущего романа «Жизнь и цель собаки».

– Я отлучусь часа на полтора. – Ханна потянулась к тому месту, где обычно хранили игрушки под названием «ключи», и я услышал бренчание, которое у меня всегда ассоциировалось с поездкой на машине. Я настороженно следил за происходящим, разрываясь между желанием покататься на машине и остаться поесть печенья.

– Оставайся здесь, Малыш, – сказала Ханна. – Глория, не открывай дверь в подвал. Клэрити любит сползать по ступенькам, не разбираясь, куда они ведут, а в подвале я разложила крысиную отраву.

– Крысы? Там крысы? – резко спросила Глория. Клэрити уже полностью проснулась и пыталась выбраться из рук матери.

– Да, это же ферма, иногда у нас появляются крысы… Не волнуйся, Глория, просто не открывай дверь.

Я почувствовал легкое раздражение Ханны и внимательно следил за знаками, которые прояснят происходящее. Впрочем, обычно эмоции, которые я чувствовал в таких ситуациях, никогда не прояснялись – такие уж они, люди, с запутанными чувствами, слишком сложными для понимания собаки.

Я пошел за Ханной к машине.

– Нет, ты оставайся здесь, – сказала она. Ее намерение было ясным, и она подчеркнула его, скользнув внутрь машины и захлопнув дверь у меня перед носом. Я повилял хвостом, надеясь, что она передумает, однако как только машина выехала на дорожку, я понял, что кататься сегодня не буду.

Я пробрался обратно через собачью дверь. Клэрити сидела в своем специальном кресле с подносом впереди. Глория сгорбилась над ней, пытаясь засунуть ложкой хоть немного еды в рот малышки, а та практически все выплевывала. Я пробовал эту еду, поэтому отлично понимал Клэрити. Ей часто разрешали самой класть маленькие кусочки пищи себе в рот, но когда дело доходило до откровенной гадости, матери и Ханне приходилось кормить девочку ложкой.

– Маыш! – радостно залепетала Клэрити и захлопала ладошками по подносу.

Еда забрызгала лицо Глории, и она резко поднялась, издав неприятный звук. Потом вытерла лицо полотенцем и свирепо посмотрела на меня. Я опустил взгляд.

– Поверить не могу, она позволяет тебе бродить здесь, будто это твой дом…

Я и не надеялся, что Глория даст мне печенье.

– Я-то не позволю.

Несколько секунд она молча смотрела на меня, затем фыркнула.

– Ладно, иди сюда!

Я послушно последовал за ней к двери в подвал. Глория открыла ее.

– Иди туда. Иди!

Я понял, что ей от меня нужно, и зашел. Остановившись наверху лестницы, на маленькой площадке, покрытой ковром, я обернулся и посмотрел на нее.

– Сиди там, – сказала она, закрыла дверь, и сразу стало темно.

Я спустился вниз по скрипящим деревянным ступенькам. Я редко бывал в подвале и чувствовал здесь запах новых интересных вещей, которые я хотел бы исследовать. Исследовать и, возможно, попробовать на вкус.

Глава вторая

Хотя дневной свет в подвал почти не проникал, стены и углы изобиловали густыми влажными ароматами. На деревянных полках стояли заплесневелые бутылки, а картонная коробка, мягкая от сырости, была полна одежды, пропитанной смесью чудесных запахов детей, побывавших на Ферме за все эти годы. Я сделал глубокий вдох, вспоминая, как бегал по траве летом и нырял в сугробы зимой.

Ароматы – ароматами, а вот с точки зрения съедобности ничего интересного здесь не оказалось.

Через некоторое время я услышал легко узнаваемый звук машины Ханны. Щелчок, и дверь в подвал открылась.

– Малыш! Иди сюда, быстро! – рявкнула Глория.

Я торопливо пошел к лестнице, но споткнулся в темноте, и острая боль пронзила мою левую заднюю лапу. Я остановился и посмотрел на силуэт Глории, видневшийся в дверном проеме. Я хотел, чтобы она меня успокоила.

– Я сказала, иди сюда! – повторила Глория громче.

Сделав следующий шаг, я тихонько заскулил.

– Ну давай уже. – Глория сделала два шага вниз и потянулась ко мне.

Мне не очень хотелось ощутить руку Глории на своей шерсти: я знал, что она злится на меня за что-то, поэтому я отшатнулся.

– Где вы все? – донесся сверху голос Ханны.

Я ускорил шаг, ноге было уже лучше. Глория повернулась к выходу, и вместе с ней мы вышли на кухню.

– Глория, – обратилась Ханна. Она поставила на пол бумажные пакеты, и я подошел к ней, виляя хвостом. – Где Клэрити?

– Мне наконец-то удалось ее уложить.

– Что ты делала в подвале?

– Я… я искала вино.

– Ты была там? Внизу? – Ханна опустила руку, и я обнюхал ее, чувствуя запах чего-то сладкого. Хорошо, что она вернулась домой.

– Я думала, это винный подвал.

– У нас есть немного вина на кухне, в шкафчике под тостером. – Ханна смотрела на меня, и я вилял хвостом. – Малыш, ты что, хромаешь?

Я сел. Ханна отошла на несколько шагов и позвала меня, я подошел.

– Тебе не кажется, что он хромает? – спросила Ханна.

– Откуда мне знать, – сказала Глория. – Моя компетенция – дети, а не собаки.

– Малыш, та поранил лапу? – Я завилял хвостом, довольный, что мне уделяют внимание. Ханна нагнулась и поцеловала меня в лоб, а я лизнул ее в ответ.

– Ох, ты не попробовала печенье? – спросила она.

– Мне нельзя печенье, – презрительно ответила Глория. Я никогда раньше не слышал, чтобы слово «печенье» произносили с такой брезгливостью.

Ханна ничего не ответила, просто вздохнула, начав выкладывать покупки из пакетов. Иногда, вернувшись домой, она приносила мне косточку, однако сегодня, очевидно, ей не удалось раздобыть ни одной. Я пристально смотрел на нее – а вдруг ошибся.

– Я не хочу, чтобы и Клэрити их ела, – сказала Глория после минутного молчания. – Она и так пухленькая.

Ханна рассмеялась, а потом замолчала.

– Ты серьезно?

– Конечно, серьезно.

После секундной паузы Ханна вернулась к пакетам с продуктами.

– Хорошо, Глория, – тихо сказала она.

Прошло несколько дней, Глория сидела на солнце перед домом, придвинув колени к груди. Между пальцами ее ног были воткнуты пушистые шарики, и она прикасалась к пальцам малюсенькой палочкой, которая пахла так едко, что слезились глаза.

После прикосновения палочки каждый палец становился темнее.

Запах был таким мощным, что даже смог перебить странный привкус у меня во рту, который с каждым днем усиливался.

Клэрити возилась с игрушкой, а потом встала и нетвердой походкой пошла прочь.

Я посмотрел на Глорию, которая, прищурившись, сосредоточилась на пальцах ног.

– Клэрити, не уходи далеко, – отсутствующим тоном произнесла Глория.

За те несколько дней, которые Клэрити провела на Ферме, ее медленная неуверенная поступь, которая частенько заставляла девочку оказываться на четвереньках, превратилась в шуструю походку. Клэрити целеустремленно направилась к сараю, и я последовал за ней, размышляя, что же делать.

В сарае жил конь по имени Трой. Когда Итан был жив, он, бывало, катался на нем верхом, и я не очень-то одобрял это, потому что кони не такие надежные, как собаки. Однажды в молодости Итан упал с лошади, а ведь с собаки никто никогда не падал. Даже Ханна никогда не каталась верхом на Трое.

Мы с Клэрити зашли в сарай, и я услышал, как Трой фыркнул, почувствовав наше присутствие. В воздухе стоял запах сена и лошади. Клэрити промаршировала прямиком к вольеру, в котором жил Трой. Он тряхнул головой и опять фыркнул. Клэрити потянулась к прутьям двери вольера и вцепилась в них своими маленькими ручками.

– Лосадка! – с восхищением воскликнула она, пританцовывая от восторга.

Я чувствовал нарастающее напряжение Троя. Конь не очень-то меня любил, мое присутствие в сарае заставляло его нервничать. Клэрити просунула ручку между прутьев, чтобы погладить Троя, но тот отшатнулся.

Я подошел к Клэрити и ткнулся в нее носом, давая понять, что если уж она хочет кого-то погладить, то лучше собаки ей здесь никого не найти. Яркие глаза девочки были широко раскрыты, она задыхалась от восторга, приковав взгляд к Трою.

Дверь в вольер закрывалась на цепь; когда малышка прислонилась к ней, провисающая цепь натянулась, и образовалась лазейка. Издавая счастливые звуки, Клэрити скользнула вдоль двери к лазейке и протиснулась внутрь.

Прямо в вольер к Трою.

Трой ходил взад и вперед, фыркая и мотая головой, удары копыт по земле становились все сильнее и сильнее. Я чуял его возбуждение – оно проступало сквозь его кожу, как пот.

– Лосадка, – произнесла Клэрити.

Я просунул голову в щель между створками двери и толкнул ее, пытаясь пролезть внутрь. Боль в задней левой лапе снова давала себя знать, но я проигнорировал ее, сосредоточившись на том, чтобы протиснуть плечи, а затем и таз. Тяжело дыша, я пробрался в вольер как раз в тот момент, когда Клэрити двинулась вперед, протянув ручки к Трою. Я прекрасно понимал, что он может ударить малышку.

Я боялся этого коня. Он большой и сильный; если он ударит меня копытом, будет очень больно. Инстинкты твердили мне – убирайся отсюда, но Клэрити грозила опасность, и я должен был что-то сделать.

Я проглотил свой страх и залаял на коня со всей яростью, на какую был способен. Я подтянул губы, обнажив оскал, и сделал выпад вперед, заняв позицию между Клэрити и Троем. Трой издал неприятный визжащий звук и встал на дыбы. Я попятился, лая и оттал-

кивая Клэрити в угол. Копыта Троя разбивали землю прямо передо мной, но я продолжал рычать и клацать на него зубами.

– Малыш? Малыш! – донесся испуганный голос Ханны снаружи сарая.

Я почувствовал в шерсти маленькие ручки Клэрити. Хотя конь мог меня ударить, я не собирался сдавать свою позицию между ним и малышкой.

Тут вбежала Ханна.

– Трой!

Она отстегнула цепь и распахнула створки дверей, конь рванул мимо нее и через огромную двустворчатую дверь вылетел во двор.

Я чувствовал страх и гнев Ханны. Она нагнулась и подхватила Клэрити на руки.

– Ах, дорогая, все хорошо, малышка, все хорошо, – говорила она.

А Клэрити хлопала в ладоши и улыбалась.

– Лосадка! – с восторгом воскликнула она.

Другая рука Ханны опустилась вниз и дотронулась до меня – я почувствовал облегчение, поняв, что хоть сейчас я ни в чем не провинился.

– Да, большая лошадка, ты права, дорогая. Тебе нельзя сюда заходить.

Когда мы вышли наружу, к нам подошла Глория. Походка у нее была странной, будто ей было больно идти.

– Что случилось? – спросила она.

– Клэрити зашла в стойло к Трою. Он мог ее…

– Какой ужас! – Глория протянула руки и, забрав Клэрити, прижала ее к груди. – Ты никогда, никогда не должна так пугать мамочку, поняла?

Ханна скрестила руки на груди.

– Интересно, как же она пробралась сюда без твоего ведома.

– Наверное, пошла за собакой.

– Понятно. – Я все еще чувствовал, что Ханна злится, и опустил голову, непроизвольно ощутив раскаяние.

– Возьмете ее? – спросила Глория, протягивая Клэрити на вытянутых руках обратно.

Боль в бедре по-прежнему чувствовалась, не так сильно, чтобы хромать, однако нога постоянно ныла. Хотя раны не было – зализывать нечего.

За ужином я предпочел остаться под столом и подбирать еду, которая падала на пол. Когда детей собиралось много, мне обычно перепадало несколько хороших кусков, но в этот раз была только Клэрити, и, как я уже говорил, ее пища была никудышной. После инцидента с лошадью прошло уже несколько дней, в течение которых я не выходил из-под стола, когда вдруг заметил, что Ханна чем-то обеспокоена и взволнована. Я сел и ткнулся в нее, она погладила меня, однако как-то рассеянно.

– Не звонил доктор Билл? – спросила Глория.

– Пока нет, я же обещала, что скажу тебе.

– Почему мужчины так поступают! Сначала просят твой номер, а потом не звонят.

– Глория, я тут… я думала кое о чем.

– О чем?

– Ну, во-первых, я хочу, чтобы ты знала: хотя вы с Генри не… больше не вместе, и хотя вы даже не женаты, ты – мать моей внучки, и для меня ты – член семьи. Я всегда рада тебя здесь видеть.

– Спасибо, – ответила Глория. – У меня к вам такие же чувства.

– И мне очень жаль, что из-за работы Генри вынужден жить за границей. Он сказал, что ищет место здесь, чтобы проводить больше времени с Клэрити.

Услышав имя Клэрити, я посмотрел на маленькие ножки, единственную часть ее тела, которая была мне видна из-под стола. Каждый раз, когда малышке приходилось запихивать в себя противный ужин, они дергались.

– Еще я знаю, что ты хочешь вернуться к карьере певицы, – продолжила Ханна.

– Ну да. Рождение ребенка не очень-то пришлось кстати. До сих пор не могу избавиться от лишнего веса.

– Вот я и подумала… А не остаться ли Клэрити здесь?

Наступила долгая тишина. Когда Глория заговорила, ее голос был очень тихим.

– Что вы имеете в виду?

– На следующей неделе приедет Рэчел, а когда начнется учебный год, к четырем будет освобождаться Синди. Все вместе мы сможем уделять Клэрити массу внимания, а у тебя появится возможность посвятить себя пению. И, как я уже говорила, приезжай и живи, когда захочешь, места достаточно.

– Так вот что все это значит.

– Прости, не поняла?

– А я удивляюсь, чего это вы, такая хорошая, приглашаете пожить, предлагаете оставаться здесь, сколько хочу… Теперь ясно. Чтобы Клэрити жила с вами. А потом что?

– То есть?

– Потом Генри отсудит пособие на ребенка, и я останусь ни с чем.

– Да мне и в голову такое не приходило…

– Знаю, знаю, все в вашей семье считают, что я специально заманивала Генри, пыталась женить его на себе. Только зачем мне кого-то заманивать, когда вокруг полно других достойных мужчин!

– Нет, Глория, никто никогда так не говорил.

Пошатнувшись, Глория встала.

– Ясно. Все вы как бы такие милые…

Я чувствовал злость Глории и старался держаться подальше от ее ног. Вдруг кресло Клэрити заходило ходуном, а ее маленькие ножки уплыли вверх.

– Я собираюсь. Мы уезжаем.

– Глория!

Я услышал, как завыла Клэрити, когда Глория пошла вверх по лестнице. Клэрити почти никогда не плакала. В последний раз это случилось, насколько я помню, когда она заползла в сад и сорвала зеленый плод с растения, которое издавало такое едкое зловоние, что мои глаза слезились еще больше, чем от запаха ног Глории. И хотя было очевидно, что такую гадость есть категорически нельзя, Клэрити засунула эту штуку в рот и куснула. У нее был очень удивленный вид, и она заплакала, прямо как сейчас.

Когда Глория и Клэрити уехали, Ханна тоже заплакала. Я пытался утешить ее, положив голову ей на колени, и я уверен, что это помогло, хотя ей все равно было очень грустно. Я не совсем понял, что произошло, кроме того, что Глория и Клэрити уехали, но что-то подсказывало мне, что я их снова увижу. Люди всегда возвращаются на Ферму.

Я спал вместе с Ханной, в ее кровати; так у нас повелось вскоре после смерти Итана. Какое-то время она даже обнимала меня по ночам и иногда плакала. Я знал, почему она плакала, она скучала по Итану. Мы все скучали по Итану.

На следующее утро, когда я выпрыгнул из кровати Ханны, что-то как бы сломалось у меня в левом бедре, и я невольно заскулил от боли.

– Малыш, что? Что случилось? Что с твоей ногой?

Я почувствовал страх Ханны и начал лизать ее ладошку, как бы извиняясь, что расстроил ее. Но я не мог встать на заднюю левую лапу – слишком сильно болело.

– Сейчас же едем к Ветеринару, Малыш. Все будет хорошо, – сказала Ханна.

Мы медленно и аккуратно подошли к машине. Я прыгал на трех лапах и старался выглядеть так, будто болело не сильно, чтобы не расстраивать Ханну еще больше. Я был собакой переднего сиденья, но Ханна посадила меня назад, и хорошо – на трех ногах вползти туда гораздо легче, чем запрыгивать на переднее сиденье.

Она завела машину, и мы отъехали, а у меня во рту вновь появился отвратительный привкус, жуткий, как всегда.

Глава третья

Мы зашли в прохладную комнату, где меня положили на железный стол, и я забарабанил по нему хвостом, дрожа от удовольствия. Я любил эту женщину, которую звали Доктор Дэб, ее руки трогали меня так нежно. От ее пальцев в основном пахло мылом, но на рукавах халата я всегда чуял запахи котов и собак. Я позволил ей ощупать мою воспаленную ногу – больно совсем не было. А когда Доктор Дэб захотела, чтобы я поднялся, я сделал это, и мы с Ханной ушли в маленькую комнатку, где я терпеливо лежал рядом с ней в ожидании. Вошла Доктор Дэб, села на табуретку и подвинулась к Ханне.

– У меня плохие новости, – сказала Доктор Дэб.

– О, – произнесла Ханна. Я ощутил, как ею тут же овладела печаль, и сочувственно взглянул на нее. Впервые я видел ее печальной рядом с Доктором Дэб.

– Мы могли бы ампутировать его лапу, но большим собакам обычно тяжело без нее жить. И нет гарантии, что рак не распространился дальше; скорее всего, мы просто усложним собаке жизнь на тот короткий срок, который ей остался. Если бы решение было за мной, то я ограничилась бы болеутоляющими. Малышу уже одиннадцать, да?

– Его взяли из приюта, поэтому мы точно не знаем. Примерно столько, – ответила Ханна. – Одиннадцать – это значит, что он уже старый?

– Говорят, лабрадоры живут в среднем по двенадцать с половиной лет, хотя по моему опыту гораздо дольше. Я не о том, что его жизнь близка к завершению, а о том, что у собак старшего возраста опухоли растут медленнее. Это еще один фактор, который нужно принять во внимание, если мы рассматриваем вариант ампутации.

– Малыш всегда был очень активным псом. Я просто не могу представить его без лапы, – ответила Ханна. Я завилял хвостом, услышав свое имя.

– Ты хороший пес, Малыш, – пробормотала Доктор Дэб. Я закрыл глаза и привалился к ней, пока она чесала мне за ушами. – Давайте дадим ему что-нибудь прямо сейчас. Лабрадоры редко показывают свою боль. У них поразительно высокий болевой порог.

Дома мне дали специальное угощение из мяса и сыра, потом я почувствовал сонливость и пошел на свое любимое местечко в гостиной, где сразу же провалился в глубокий сон.

Тем летом я поджимал заднюю лапу и опирался на остальные три, так мне было легче. Я обожал заходить в пруд: ощущение прохладной воды было просто замечательным, и мне не приходилось держать вес своего тела на лапах. Приехала Рэчел и ее дети, к нам в гости частенько заходили дети Синди, и все их внимание доставалось мне, словно я вновь стал щенком. Особенно мне нравилось лежать на земле, пока две маленькие дочки Синди вплетали ленточки в мою шерсть; прикосновение их ручек успокаивало. Потом я эти ленточки съедал.

Ханна давала мне много вкусных угощений, и я часто спал. Я понимал, что старею, потому что мои мышцы иногда деревенели, а зрение немного затуманилось, но я был счастлив. Я обожал запах опавших скрученных листьев и сухое благоухание цветов Ханны, которые к осени стали очень ломкими.

– Малыш опять гоняет кроликов, – однажды сквозь сон донеслись слова Ханны. Услышав свое имя, я проснулся, не сразу поняв, где нахожусь. Я видел очень яркий сон про Клэрити, как она упала с пристани, а Итан стоял там по колено в воде.

– Хороший пес, – сказал он мне, и я почувствовал его радость от того, что я присматривал за Клэрити. Когда в следующий раз она приедет на Ферму, я снова буду за ней присматривать. Итан хотел бы этого.

Запах Итана постепенно покидал Ферму, однако в некоторых местах я по-прежнему чувствовал его присутствие. Иногда я заходил в его спальню, и мне казалось, что он еще здесь, спит или сидит в кресле-качалке и смотрит на меня. А иногда я вспоминал Клэрити, как она называла меня «Маыш». И хотя я понимал, что Глория, как мать, вероятно, хорошо заботится о своем ребенке, я всегда чувствовал тревогу, думая о ней. Надеюсь, малышка скоро вернется на Ферму, и я удостоверюсь, что с ней все в порядке.

Наступили холода, я все реже и реже выходил из дома. Для своих личных дел я выбирал ближайшее дерево и старался управиться побыстрее: приходилось присаживаться, так как нормально поднимать ногу я уже не мог. Даже если шел дождь, Ханна всегда выходила и стояла рядом со мной.

Снег этой зимой я встретил с восторгом. Он держал вес моего тела совсем как вода, только был холоднее, и это мне нравилось даже больше. Я заходил в снег, закрывал глаза, и мне было так хорошо и комфортно, что я вполне мог заснуть.

Ужасный привкус во рту преследовал меня постоянно, хотя иногда он становился сильнее, а иногда я просто про него забывал. Нога болела; случались дни, когда я вскакивал ото сна, пронзенный вспышкой резкой боли.

Однажды я встал, чтобы взглянуть на тающий снаружи снег, однако играть на улице мне совершенно не захотелось, хотя я обожал молоденькую травку, которая пробивалась сквозь мокрую вязкую землю. Ханна посмотрела на меня.

– Хорошо, Малыш, хорошо, – сказала она.

В тот день все дети пришли меня проведать, они гладили меня и разговаривали со мной. Я лежал на полу и стонал от удовольствия, ведь мне досталось все их внимание. Кто-то из детей был печален, кому-то, по-моему, было скучно, но все они сидели со мной на полу, пока не настало время им уходить.

– Малыш, ты хороший пес.

– Я буду сильно скучать по тебе, Малыш.

– Я люблю тебя, Малыш.

Я вилял хвостом каждый раз, когда кто-то из них произносил мое имя.

Той ночью я не спал с Ханной в ее кровати. Я провел сладкую ночь на своем местечке, на полу в гостиной, вспоминая нежные прикосновения детей.

На следующее утро я проснулся, когда солнце только начинало освещать небосвод. Мне пришлось собрать все силы, чтобы подняться, и потом я проковылял в спальню к кровати Ханны. Я разбудил ее своим тяжелым дыханием, когда положил голову ей на одеяло.

Я чувствовал тяжелую боль в животе и горле, а в ноге тупо пульсировало.

Не зная, как объяснить ей, что мне нужно, я пристально смотрел в ее глаза. Я был уверен, что эта удивительная женщина, спутница жизни Итана, в которой было столько любви для нас обоих, не подведет меня.

– Малыш… Пора, да? – печально сказала она. – Хорошо, Малыш, хорошо.

Когда мы вышли из дома, я доковылял до дерева, чтобы сделать свои дела.

Напоследок я окинул Ферму взглядом. В лучах восходящего солнца вся она была цвета апельсинов и золота. С листочков капала вода, от которой пахло холодом и чистотой. Влажная земля под ногами была готова вот-вот взорваться цветами и травой – я чувствовал запах зарождающейся жизни под поверхностью этой благоухающей грязи. День был просто идеальный.

До машины я добрался без приключений, но когда Ханна открыла мне заднюю дверцу, я нарочно подошел к передней дверце, показывая на нее носом. Она засмеялась, открыла дверцу и, подняв мой зад, помогла мне забраться внутрь.

Я – собака переднего сиденья.

Из окна машины я любовался замечательным днем, который предвещал начало оттепели. Снег еще остался в местах, где деревья росли гуще, но во дворе, где мы с Итаном боролись и катались в траве, он сдал свои позиции. Мне показалось, что я слышу, как Итан говорит мне: «Хороший пес». Мой хвост застучал по сиденью, когда я вспомнил его голос.

Во время нашей поездки к Доктору Дэб Ханна часто гладила меня. А когда она заговорила, я почувствовал от нее такую огромную волну печали, что начал лизать ласкающую меня руку.

– Ох, Малыш, – сказала она. Я завилял хвостом. – Каждый раз, когда я смотрю на тебя, я вспоминаю Итана. Ты был его товарищем, его особым другом. И ты вернул ему меня. Малыш, я знаю, ты не понимаешь, но именно ты, объявившись тогда на моем пороге, свел нас с Итаном вместе. Только благодаря тебе… Ни один пес не сделал бы большего для своих людей, Малыш.

Я был очень счастлив, что Ханна произносит имя Итана снова и снова.

– Ты самый лучший пес, Малыш. Действительно очень хороший пес. Хороший пес. – Я завилял хвостом, услышав, что я хороший пес.

Когда мы приехали к Доктору Дэб и Ханна открыла мою дверцу, я остался сидеть. Я знал, что не смогу спрыгнуть – не с такой ногой. Я жалобно посмотрел на нее.

– Ох, Малыш, хорошо. Подожди здесь.

Ханна закрыла дверцу и ушла. Через несколько минут к машине подошли Доктор Дэб и мужчина, которого я никогда раньше не видел. Руки мужчины пахли кошкой и вкусным мясом. Они вдвоем занесли меня в здание. Я изо всех сил старался игнорировать боль, которая пронзала тело, но тяжелое дыхание меня выдавало. Они положили меня на железный стол, и я просто лежал, прижав голову, потому что вилять хвостом было слишком больно. Металл приятно холодил.

– Ты такой хороший пес, хороший пес, – шептала мне Ханна.

Я знал, что осталось уже недолго. Я сосредоточил все внимание на Ханне, а она улыбалась и плакала. Доктор Дэб гладила меня, и я чувствовал, как ее пальцы нащупывают складку кожи на моей шее.

Я поймал себя на мыслях о Клэрити. Я надеялся, что найдется другой пес, который будет присматривать за ней. Каждому человеку нужна собака, но Клэрити – особенно.

Меня зовут Малыш. Раньше я был Элли, а еще раньше – Бейли, а еще раньше – Тоби. Я был хорошим псом, который любил своего мальчика Итана и заботился о его детях. Я любил его спутницу жизни Ханну. Я знал, что больше не буду перерождаться. И правильно. Я сделал все, что должен сделать пес в этом мире.

Любовь Ханны все еще лилась на меня рекой, когда я почувствовал легкий укол между пальцами Доктора Дэб. Боль в ноге исчезла почти мгновенно. Мне стало удивительно спокойно; пришла теплая, приятная волна, как вода в пруду. Постепенно я перестал ощущать прикосновение рук Ханны и уплыл совершенно счастливым псом.

Глава четвертая

Образы только начинали принимать очертания перед моим затуманенным взглядом, а я уже все вспомнил. Вот я новорожденный щенок, без каких бы то ни было задач или целей, кроме того, как найти молоко своей матери. А в следующий миг я – все тот же щенок, но который помнит все о своей жизни под именем Малыш и обо всех предыдущих жизнях, с самого их щенячьего начала.

Моя мать была кучерявой, низкой и темной. Мои лапы тоже были темными, по крайней мере, насколько я мог разглядеть только что раскрывшимися глазами, однако моя мягкая шерсть совершенно не кучерявилась. Все братья и сестры были такого же темного цвета, но когда мы сталкивались друг с другом, я смог определить, что у одних шерсть была как у меня, а у других – кучерявая, как у нашей матери.

Я знал, что хотя мое зрение скоро прояснится, вряд ли это поможет мне понять, почему я снова родился щенком. Я всегда был убежден, что моя жизнь имеет очень важную цель, поэтому я несколько раз перерождался. Благодаря приобретенным опыту и знаниям я смог помочь моему мальчику Итану, я был с ним рядом в последние годы его жизни. Я думал, что это и есть мое предназначение.

А теперь что? Я так и буду вечно перерождаться? Неужели у собаки несколько предназначений? Как такое возможно?

Все щенки спали вместе в большой коробке. Когда мои лапы окрепли, я начал исследовать обстановку.

Иногда я слышал шаги, и над коробкой склонялась размытая фигура, говоря то мужским, то женским голосом. Судя по тому, как наша мать виляла хвостом, это были ее люди, которые заботились о ней и любили ее.

Довольно скоро я смог разглядеть мужчину и женщину; про себя я назвал их Мужчина и Женщина.

Однажды Мужчина привел друга, чтобы тот полюбовался нами с высоты своего роста. У друга не было волос на голове, зато их хватало вокруг его рта.

– Такие милые, – сказал лысый с волосами вокруг рта. – Шесть щенков – приличный помет.

– Возьмешь одного? – спросил Мужчина.

Я замер, почувствовав, что огромные ручищи потянулись ко мне. Когда они меня схватили, я был немного напуган и не шевелился, потом человек с волосами вокруг рта поднял меня в воздух и начал разглядывать.

– Этот не такой, как все. – Кожа человека сильно пахло маслом и сахаром, и я пару раз лизнул воздух.

– У нее есть точно такой же брат. Странно. Бэлла и их отец – оба пудели из Американского клуба собаководства, а эти двое точно не пудели. Мы думаем, что… Ну, в тот день мы забыли запереть заднюю дверь. Бэлла могла выбежать. Или другой кобель перепрыгнул к ней через забор, – предположил Мужчина.

– Подожди, разве такое возможно? Два разных отца?

Я понятия не имел, о чем они говорят, но если все, что собирался делать этот человек – просто держать меня в воздухе и дразнить ароматами, я бы предпочел, чтобы он опустил меня назад, в коробку.

– Думаю, да. Ветеринар сказал, что два разных отца – вполне возможно.

– Смешно.

– Смешно-то смешно, только этих двух собачек нам не продать. Хочешь одного? Бесплатно, как другу.

– Нет, спасибо. – Мужчина рассмеялся и опустил меня в коробку. Мать изучила мой странный новый запах и, такая заботливая и добрая, успокаивающе меня лизнула. Тем временем мои братья и сестры, с трудом держась на нетвердых лапах, пытались втянуть меня в потасовку. Я на провокации не поддался.

– Слушай, как твой сын? – поинтересовался мужчина с волосатым лицом.

– Спасибо, что спросил. По-прежнему кашляет. Наверное, придется отвезти его к врачу.

– Он уже видел щенков?

– Нет, они еще слишком маленькие. Пусть подрастут, прежде чем он начнет их тискать.

Оба мужчины встали и, превратившись в расплывчатые темные пятна, исчезли из моего поля зрения.

Спустя какое-то время я стал различать голос ребенка наверху, мальчика. Перспектива начать все заново с новым мальчиком меня тревожила. Это что, мое новое предназначение? Мне казалось это неправильным, мне казалось, что я буду плохим псом, если у меня будет еще один мальчик кроме Итана.

Однажды вечером Мужчина собрал всех нас, сложил в меньшую коробку и отнес наверх. Взволнованная мать бежала следом за ним, тяжело дыша ему в пятки. Коробку поставили на пол, и Мужчина аккуратно перевернул ее, чтобы мы выкатились наружу.

– Щенята! – пропел маленький мальчик откуда-то позади нас.

Я чуть-чуть растопырил ноги для баланса и осмотрелся. Комната была похожа на гостиную на Ферме, с диваном и креслами. Нас посадили на мягкое одеяло, и, естественно, большинство моих братьев и сестер сразу же разбежались и заскользили во всех направлениях по гладкому полу. Я же остался на месте. Я знал, что собаки-матери предпочитают мягкие подстилки жестким полам, а оставаться рядом с матерью – всегда более разумный выбор.

Мужчина и Женщина, смеясь, хватали разбегающихся щенков и усаживали назад в центр одеяла, из чего малышне следовало сделать вывод, что выбегать за пределы одеяла нельзя. Однако почти никто этот урок не усвоил. Мальчик вприпрыжку кружил вокруг нас, он был постарше Клэрити, но все равно еще маленький. Я вспомнил, как стала пританцовывать Клэрити, увидев того глупого коня в стойле.

Мне не очень-то хотелось любить еще одного мальчика кроме Итана, и все же было сложно устоять перед восторгом, который мы все испытывали при виде этого маленького человеческого существа, протягивающего к нам свои ручки.

Мальчик потянулся к моему брату с такой же шерстью, как у меня – более длинной и не такой кучерявой. И когда малыш схватил его, я почувствовал отчаяние брата.

– Осторожно, сынок, – сказал Мужчина.

– Не сделай ему больно, аккуратно, – сказала Женщина.

Я решил, что это родители маленького мальчика.

– Он целует меня! – захихикал мальчик, когда мой брат начал послушно лизать его в губы.

– Бэлла, все в порядке. Хорошая девочка, – сказал Мужчина, лаская нашу мать, которая беспокойно металась по расстеленному одеялу.

Малыш закашлял.

– Ты в порядке? – спросила его мама. Он кивнул, посадил на пол моего брата и сразу же схватил одну из сестер.

Другие два брата сидели на краю одеяла, принюхиваясь к непривычной поверхности пола.

– По-моему, кашель усилился, – сказал Мужчина.

– Утром с ним все было нормально, – ответила Женщина.

Дыхание мальчика стало громким, а его кашель теперь звучал резко и неприятно. Оба родителя замерли, уставившись на малыша.

– Джонни? – позвала Женщина. В ее голосе чувствовался страх. Наша мать подошла к ней, беспокойно виляя хвостом. – Джонни, ты можешь дышать?

Мальчик наклонился, упершись руками в колени. Его дыхание было хриплым, громким и тяжелым.

– Он посинел! – закричала Женщина. Мы с братьями и сестрами вздрогнули от дикого ужаса в ее голосе.

– Звони в 911! – крикнул ей Мужчина. – Джонни! Будь со мной, сынок! Посмотри на меня!

Сознательно или нет, мы все сбежались к нашей матери и сгрудились у ее ног в поисках утешения. Она мимолетом глянула в нашу сторону, но ей, взволнованной происходящим, было совершенно не до нас. Тяжело дыша, она подошла к Мужчине и попыталась успокоить его, тыкаясь носом.

Мужчина не обратил на нее внимания.

– Джонни! – почти в истерике кричал он.

Несколько щенков попытались пойти за матерью, и когда она это заметила, то вернулась к нам и, подталкивая нас мордой, собрала всех на одеяле, чтобы мы не попадались людям под ноги.

Я услышал звук приближающейся сирены, затем двое, мужчина и женщина, вошли в комнату. Они надели что-то мальчику на лицо, положили его на носилки и вынесли из дома. Мужчина и Женщина вышли вслед, а мы остались одни.

Так как щенки и исследование – понятия неразделимые, все мои родичи быстренько разошлись обнюхивать углы комнаты. Наша мать бегала по гостиной и скулила, то и дело вставая на задние лапы, чтобы выглянуть в окно, а двое щенков везде следовали за ней.

Я сидел на одеяле, пытаясь осмыслить ситуацию: пусть этот ребенок и не был моим мальчиком, но я сильно переживал за него. Нет, любовь к Итану не пропала, просто я чувствовал страх за этого малыша.

Так как мы были щенками, то напачкали по всему дому. Я знал, что когда подрасту, я буду хорошо владеть собой, но сейчас я не осознавал необходимость «присесть» до тех пор, пока она не становилась совсем критичной. Надеюсь, Мужчина и Женщина не будут на меня сердиться.

Мужчина вернулся домой один, мы все в это время спали. Он отнес нас в подвал, а потом я слышал, как он ходил по дому, и в воздухе запахло мылом. Мы сосали нашу мать, она наконец-то успокоилась – Мужчина был дома.

На следующий день нас отнесли в другой подвал другого дома. Там, поцелуями и воркованием, нас встретила другая женщина; от нее пахло едой, стиркой и собаками. Ее дом был наполнен запахами множества собак, хотя видел я только одну: медленно передвигающегося кобеля с такими короткими лапами, что при ходьбе его огромные висячие уши волочились по полу.

– Спасибо тебе. От души спасибо, Дженнифер, – сказал ей Мужчина.

– Я люблю собак, и давать им временный приют – моя миссия, – ответила она. – Только вчера я пристроила одного боксера… Ваша жена сказала, что у сына астма, да?

– Да. Очевидно, у него еще и ужасная аллергия на собак, а мы и не подозревали. Бэлла – пудель, очевидно у Джонни нет аллергии на пуделей. Чувствую себя полным идиотом.

Услышав свое имя, Бэлла завиляла хвостом. Мы сидели в большой коробке в подвале, но, как только Мужчина ушел, Бэлла выпрыгнула из нее. Она села возле двери на лестницу и заплакала.

Это сильно расстроило щенков, все подавленно сидели, расхотев играть. Наверняка я выглядел так же печально, как и остальные – отчаяние матери было слишком явным и острым. В тот день мы не сосали молоко. Женщина по имени Дженнифер этого не заметила, но мы заметили и вскоре начали все хором скулить. Наша мать была слишком взволнована и опечалена и не могла спокойно лежать рядом с нами, даже несмотря на то, что ее железы налились, а из сосков струился головокружительный аромат.

Я знал причину ее печали – собака не может без своих людей. Всю ночь наша мать металась, тихонько поскуливая. Мы в это время спали, а утром проснулись, умирая от голода.

Дженнифер пришла проверить, почему мы плачем, и сказала Бэлле, что все в порядке, однако я почувствовал в ее голосе тревогу. Она вышла из комнаты, а мы продолжали звать нашу мать, но Бэлла скулила и металась по подвалу, совершенно нас игнорируя. Казалось, прошла вечность, когда вдруг она подошла к двери и прижалась носом к щели, яростно втягивая воздух. Ее хвост начал вилять, и тут дверь открыл Мужчина. Бэлла стала прыгать на него, всхлипывая от радости, но Мужчина ее отталкивал.

– Ты должна остаться здесь, Бэлла. Должна остаться здесь.

– Она не кормит щенков. Слишком расстроена, – сказала Дженнифер.

– Ладно, Бэлла, иди сюда. Давай. – Мужчина подвел Бэллу к коробке и заставил ее лежать. Он положил руку ей на голову, а мы, как сумасшедшие, набросились на нее, чмокая, отталкивая и борясь друг с другом.

– Я переживаю, что на ней щенячья шерсть, которая попадет на меня, и у Джонни опять будет приступ.

– Если Бэлла не будет кормить, щенки умрут, – сказала Дженнифер.

– Для меня приоритет – Джонни. Мы сейчас проводим паровую обработку всего дома, – ответил ей Мужчина.

Мой животик наливался теплом и тяжестью. Как это прекрасно – поесть.

– А если вы заберете Бэллу и щенков-пуделей? Вы можете их искупать и избавитесь от следов двух других щенков. Так вы спасете по крайней мере четверых.

Мужчина и Дженнифер долго молчали. Полностью наевшись, я отполз. Ужасно хотелось спать.

– А что тогда делать с этими двумя, усыпить? Я не хочу, чтобы они умерли с голоду, – сказал Мужчина.

– Не беспокойтесь о них, – ответила Дженнифер.

Мужчина и Дженнифер достали четверых щенков из коробки, по двое каждый, и направились к двери. Бэлла тоже выпрыгнула и пошла за ними.

Мы с братом, у которого шерсть была такой же, как у меня, немножко поскулили, но нам очень хотелось спать, поэтому мы обняли друг дружку, чтобы было теплее, и заснули. Я не знал, куда ушла мать с остальными щенками; наверное, они скоро вернутся.

Глава пятая

Я проснулся от холода и голода. Мы с братом спали, прижавшись друг к другу, чтобы согреться, поэтому, когда я заворочался, он тоже открыл глаза. Пошатываясь, мы побродили по коробке, сходили по-маленькому и несколько раз ткнулись друг в друга, сообщая то, что было очевидно: матери и остальных щенков до сих пор нет.

Брат начал плакать.

Вскоре женщина по имени Дженнифер пришла нас проведать.

– Щенятки, бедняжки, скучаете по маме, да?

Казалось, звук ее голоса успокоил брата. Он стоял на задних лапах, опершись передними на стенку коробки, и пытался достать ее своей маленькой мордочкой. Дженнифер с улыбкой наклонилась.

– Все хорошо, малыш. Все будет хорошо, обещаю.

Когда она ушла, брат опять начал скулить. Я пытался отвлечь его борьбой, но он был слишком расстроен. Я знал, что все в порядке, потому что есть женщина, которая заботится о нас, и она приведет к нам мать, чтобы мы покушали. Однако брат был напуган и очень голоден, очевидно, это ограничивало его мыслительные способности.

Скоро Дженнифер вернулась.

– Так, пора вас кормить. Ты хочешь первым? Хорошо. – Она подняла моего брата и унесла с собой.

Я остался в коробке один. Я лежал и старался не думать о болезненной пустоте в желудке. Интересно, может, мое новое предназначение – заботиться о брате? Впрочем, нет, собаки не заботятся о собаках, о собаках заботятся люди.

Пока у нас есть Дженнифер, все будет хорошо.

Потом я заснул и проснулся, только когда Дженнифер взяла меня на руки.

– Что ж, все прошло не так гладко, как я рассчитывала, – сказала она. – Надеюсь, с тобой будет полегче.

Я завилял крошечным хвостиком.

Мы пошли вверх по лестнице. Брата не было и следа, но я чувствовал его запах в воздухе. Дженифер села на диван и перевернула меня вверх ногами, уложив в колыбельку из своей руки.

– Так, лежи тихо и смирно.

Она достала какую-то странную штуку и поднесла ее к моей физиономии. Что это? Я заерзал.

– Лежи спокойно, щеночек. Все пройдет хорошо, если ты не будешь дергаться.

Хотя ее голос успокаивал, я все еще не мог понять, что происходит. А потом я почуял вкуснейший аромат теплого молока – так вот оно что, из этой штуковины сочится еда! Кончик у нее был мягким, и когда Дженнифер ткнула его мне в губы, я его схватил и начал сосать, а в награду за мою смекалку мне в рот потекла теплая, сладкая еда. Молоко было не таким, как у мамы, более сладким и легким, но я не жаловался. Я сосал, и по мере того, как восхитительная теплая жидкость наполняла мой желудок, боль от голода уходила.

Когда я наелся, Дженнифер перевернула меня, похлопала по спине, и я тихонько отрыгнул. Затем она отнесла меня вниз в прихожую и уложила в мягкую постель, в которой спал большой пес с огромными ушами. Мой брат тоже там спал, уткнувшись в него носом.

– Вот еще один, Барни, – прошептала Дженнифер.

Большой пес заворчал и завилял хвостом, пока я устраивался возле него. Живот у Барни был мягкий и убаюкивающий, прямо как у нашей матери. Брат пискнул в знак приветствия и сразу же снова заснул.

С тех пор Дженнифер кормила нас на руках по нескольку раз в день. Мне нравились кормежки, нравилось, как она со мной разговаривала и прижимала к себе. Полюбить такого человека, как Дженнифер, очень легко.

Брат сильно расстраивался, если меня кормили первым; наверное, Дженнифер решила, что лучше кормить меня после брата, чем слушать его плач, пока я ем.

Я думал, что уже все знаю про свою новую жизнь, и вдруг однажды, присев, чтобы справить нужду, я почувствовал запах своей мочи. И тут я понял, что никакие мы не братья, а брат и сестра. Я опять был девочкой!.. Как такое возможно?

На какое-то мгновение я задумался, вернее, задумалась, что же случилось с моей матерью и другими щенками, но оказалось, что я их уже почти забыл. То есть *забыла*. Мы жили здесь и сейчас – мой брат и я, семья из двух щенков и ленивого пса по кличке Барни.

Есть моменты, когда все, что может сделать собака – это ждать и наблюдать, какой выбор сделают люди. Все либо изменится, либо останется примерно таким же. А пока мы с братом изо всех сил дергали Барни за его большие мягкие уши.

Дженнифер назвала брата Рокки, а меня – Молли. Мы подрастали, Барни все меньше и меньше хотелось с нами возиться, и он начинал нервничать, когда мы грызли разные части его тела. Однако мы не сильно расстраивались, потому что к нам в дом пришла жить большая серая собака по имени Софи. Она обожала бегать во дворе, где травка только начинала пробиваться из земли, подогреваемой лучами солнца. Софи бегала очень быстро, и мы с Рокки даже не надеялись ее догнать, но ей нравилось, когда мы гонялись за ней, а когда мы сдавались, она разворачивалась и пригибалась к земле, призывая нас продолжать игру. Еще здесь был коренастый пес по имени Мистер Черчилль – примерно такого же размера, как Барни, только более грузный и с короткими ушами. Мистер Черчилль ходил вперевалку и тяжело дышал – прямая противоположность Софи. Я даже сомневалась, способен ли он бегать.

Конечно, я порой скучала по Ферме, но жизнь у Дженнифер казалась постоянным развлечением в собачьем парке.

Через несколько дней пришла женщина, чтобы посмотреть на Софи, – и, уходя, забрала ее с собой.

– То, что ты делаешь – замечательно. Если бы я устроила временный приют для собак, то оставила бы их всех себе, – сказала женщина, которая забрала Софи.

Я поняла, что у Софи будет новая жизнь с новым человеком, и была счастлива за нее, а вот Рокки был совершенно озадачен происходящим.

– И получился бы «постоянный приют», – засмеялась Дженнифер. – Я тоже оставила Барни – первого, кого взяла на передержку. Но я понимала, что если не контролировать свои чувства и оставить несколько собак у себя, на этом все и закончится – я не смогу помочь другим собакам.

Однажды поиграть с нами пришли какие-то люди – мужчина и женщина с двумя девочками.

– Мы однозначно хотим мальчика, – сказал мужчина.

Девочки были того замечательного возраста, когда бегали еще не быстрее щенка и постоянно хихикали. Они взяли нас на руки, поцеловали, поставили обратно и начали с нами играть.

– Как вы сказали, смесь пуделя и кого? – спросил мужчина.

– Никто не знает. Спаниеля, а может, терьера.

Я знала, что происходит: они здесь, чтобы забрать домой меня или Рокки. Интересно, зачем нам отсюда уходить, лучше бы забрали Мистера Черчилля, который либо сидел, испуская неприятные запахи, либо, если Рокки удавалось его спровоцировать, пытался за нами гоняться. Но также я знала, что главные здесь – люди, они определяют судьбы собак, и мне придется пойти туда, куда меня отправят.

В итоге мы с Рокки остались. Я почувствовала облегчение от того, что Рокки не забрали, а также от того, что не понадобилось прощаться с другими собаками. Я только не понимала, почему люди приходят играть со мной, а потом не хотят забирать.

Но однажды я все поняла.

Мы с Рокки играли во дворе с новой коричневой собакой по имени Дейзи. Худая, с глазами орехового цвета, она была очень робкой при Дженнифер – не подходила, когда та ее звала, и уворачивалась всякий раз, когда к ней протягивали руку, чтобы погладить. Однако со мной и Рокки она играла и даже позволяла нам придавить себя, когда мы боролись, хотя была гораздо крупнее нас.

Я услышала, как хлопнули дверцы машины, и через несколько минут москитная дверь в доме, со стороны двора, распахнулась. Мы с Рокки засеменили туда, чтобы проверить, кто пришел, и увидели, как во двор вышли Дженнифер с парнем и девушкой. Дейзи в это время спряталась под закусочным столиком.

– Божечки! Какие милые! – Примерно одного возраста с Итаном, когда он начал водить машину, девушка опустилась на колени и широко расставила руки. Мы с Рокки послушно ринулись к ней. Она обняла нас обоих, и тут меня осенило.

Это Клэрити.

Я слетела с катушек: забиралась на нее, целовала, нюхала ее кожу. Я подпрыгивала и кружилась от радости. Клэрити!

Прежде мне и в голову не приходило, что она могла искать меня, что она знала о моем перерождении, что она придет за мной. Но люди – удивительные существа, они водят машины и решают, сколько раз в день собакам есть и где жить, и обладают еще одной способностью – находить своих собак, когда им очень нужно. Значит, вот почему семья с маленькими девочками уехала, не забрав никого из нас. Они искали *своих* собак, не нас.

Я не могла насладиться Клэрити. Мой маленький хвостик взбивал воздух, я лизала ее руки, а она смеялась. Парень и Рокки бегали по двору.

– Ну что, Трент? – крикнула она парню.

– Пес замечательный! – ответил он.

– Кажется, Молли в тебя влюбилась, – сказала Дженнифер Клэрити. – Я сейчас вернусь.

И она зашла в дом.

– О, ты такая милашка, – сказала Клэрити, приглаживая мои уши. Я целовала ее пальцы. – Но мать не разрешит мне завести собаку. Мы здесь, чтобы найти друга Тренту.

Теперь все встало на место: моим предназначением было, как я и предполагала, продолжать присматривать за Клэрити. То, чего хотел бы Итан. Вот почему я опять стала щенком – мне предстояло выполнить еще одну задачу.

Так я и сделаю. Буду присматривать за Клэрити и оберегать ее.

Подошел парень, держа на руках Рокки.

– Глянь на его лапы. Он будет крупнее, чем Молли.

Клэрити поднялась, и я встала на нее передними лапами, потянувшись к ней, чтобы она тоже взяла меня на руки. Рокки пытался вырваться, а я сидела спокойно, заглядывая Клэрити в глаза.

– Я хочу его, – сказал парень. – Рокки, поедешь ко мне домой?

Он мягко опустил брата, тот сразу же набросился на резиновую игрушку и начал ее теребить.

– Здорово! – сказала Клэрити. Она пошла к Рокки, который грыз игрушку, а я старалась держаться у ее ног. Когда она попыталась погладить Рокки, я просунула голову под ее ладонь, и она засмеялась.

– Сиджей[2], ты нравишься Молли, – сказал парень.

Услышав свое имя, я взглянула на него и вернулась к ласкам Клэрити.

– Глория будет в бешенстве. Я прям слышу ее: «Они слюнявые. От них грязь». Можно подумать, у нас дома стерильно.

– Вот было бы круто взять брата и сестру!

Я почувствовала грусть сожаления, исходящую от Клэрити, когда она держала мою мордашку в своих ладонях.

– Да, было бы круто, – тихо произнесла она. – Извини, малышка.

Дженнифер вернулась.

– Нам нужно заполнить какие-то бумаги? – спросил парень.

– Нет, я ведь не представляю никакую организацию, просто подбираю и пристраиваю бездомных собак. Рокки и Молли здесь, потому что у одного маленького мальчика из-за них обострилась астма.

– Вы сказали, что отдаете собак бесплатно. А можно я хоть что-нибудь заплачу?

– Если хотите сделать пожертвование…

Парень передал что-то Дженнифер, нагнулся и взял Рокки на руки.

– Ну, Рокки, готов ехать в свой новый дом?

– Звоните, если будут вопросы, – сказала Дженнифер.

Я выжидающе смотрела на Клэрити, но она меня не подняла.

– Посмотрите на эту малышку, – сказала Клэрити. – Она будто знает, что я собираюсь уйти без нее.

– Пойдем, Сиджей.

Мы все вместе дошли до двери в дом. Дженнифер открыла ее, и все прошли внутрь: парень с Рокки на руках, Клэрити, а когда за ними попыталась пройти я, Дженнифер преградила мне путь ногой.

– Нет, Молли, – сказала она, закрывая москитную дверь. И я осталась на заднем дворе.

Что?!

Я села, уставившись на Клэрити. Она тоже смотрела на меня через сетку. Я ничего не понимала.

Когда все отвернулись и пошли прочь, я взвизгнула, расстроившись от ничтожности собственного голоса. Я плакала и визжала, мои маленькие лапки царапали дверь, пытаясь проделать в ней дыру. Неужели Клэрити меня оставит? Нет, это невозможно! Я должна пойти с ней!

Клэрити, парень и Рокки вышли через парадную дверь, закрыв ее за собой.

– Все хорошо, Молли, – сказала Дженнифер и удалилась на кухню.

Не было Клэрити, не было Рокки.

Я лаяла и лаяла, чувствуя печаль и одиночество.

[2] CJ, сокр. от имени Clarity June (*англ.*)

Глава шестая

Дейзи, большая робкая собака, вышла из своего убежища под столиком, подошла ко мне и начала обнюхивать, пока я лаяла. Она чувствовала мое расстройство, но, конечно же, не могла понять его причину.

Войти в дом через дверь не получилось, и я пошла вдоль него, однако деревянные ворота тоже были плотно закрыты, а ручка – слушком высоко, чтобы достать ее зубами. Я не переставала лаять. Двор, который еще несколько минут назад казался пределом собачьих мечтаний, сейчас превратился в тюрьму. Я подбежала к Барни, и мы ткнулись носами, но от его вялого повиливания хвостом лучше мне не стало. Я была в отчаянии. Что происходит? Как такое могло случиться?

– Молли?

Я обернулась и увидела Клэрити. Она опустилась на колени, и я со всех ног бросилась в ее объятия. Я лизала ей лицо и чувствовала невероятное облегчение от того, что я все неправильно поняла, ведь на секунду я действительно поверила, что она хотела меня бросить!

Дженнифер и Трент стояли позади нее.

– Она выбрала меня, что я могу поделать? Молли выбрала меня, – настаивала Клэрити.

Я счастлива быть Молли, я счастлива быть с Клэрити и идти с ней к машине. Трент сел за руль, а Клэрити устроилась на заднем сиденье вместе со мной и Рокки.

Рокки встретил меня, как будто мы не виделись вечность, и мы стали бороться.

– Что же скажет твоя мать? – спросил Трент.

Рокки схватил зубами длинные волосы Клэрити и тянул их, расставив лапы и рыча, будто хотел их оторвать. Клэрити смеялась. Я прыгнула на Рокки, чтобы он это прекратил.

– Сиджей, я серьезно.

Мы с Рокки пищали и лазали по Клэрити, а она пыталась сесть прямо.

– Черт, да не знаю я.

– Она разрешит тебе ее держать?

– А что мне оставалось делать? Ты же видел. Как будто Молли и я созданы друг для друга. Это судьба. Карма.

– Ну, в доме собаку не спрячешь, – сказал Трент.

Клэрити опустила глаза, и мне показалось, что она расстроилась, поэтому я положила лапы ей на грудь и попыталась лизнуть ее в лицо. Мой опыт подсказывал, что поцелуи собаки могут подбодрить кого угодно.

– Сиджей, ты серьезно думаешь, что сможешь держать собаку тайком?

– Если захочу, я могу спрятать хоть стаю волков. Кроме своего отражения в зеркале, ей ни до чего нет дела.

– Ну да, конечно. Надо только, чтобы как минимум лет десять твоя мать ни о чем не догадывалась.

– Знаешь, Трент, не всегда поступки бывают практичными.

– Железная логика.

– Ну почему ты всегда споришь?!

Они оба замолчали.

– Извини, – наконец сказал Трент. – Просто переживаю за тебя.

– Все будет хорошо, обещаю.

– Ладно.

– Только остановись не у дома, а чуть поодаль, – сказала Клэрити.

Машина остановилась, Клэрити взяла Рокки и пересадила его вперед. Мы с братом переглянулись. Рокки завилял хвостом, прижав уши. У меня было такое чувство, что мы

прощаемся и теперь будем жить раздельно. Но это нормально, потому что наши судьбы всегда определяют люди, и Клэрити решила, что я ей нужна, все, точка. Итану понравилось бы, что я уехала с ней. Что *не* нормально, так это то, что не я, а Рокки стал собакой переднего сиденья.

Мы с Клэрити вышли.

Машина отъехала.

– Давай посмотрим, сможешь ли ты сидеть тихо.

Клэрити опустила меня на землю, и мы подошли к дому. Какие-то собаки пометили окрестные кусты, но запахи уже почти стерлись, – сейчас я была тут единственной. Клэрити взяла меня на руки и быстро занесла в дом, вверх по какой-то лестнице в коридор и, наконец, в спальню.

– Клэрити, это ты? – раздался голос женщины.

– Я пришла! – прокричала в ответ Клэрити.

Она упала вместе со мной на кровать, и мы начали резвиться. Услышав шаги в коридоре, Клэрити замерла.

– Молли, тсс! – Она быстро засунула ноги под одеяло, подняла коленки и запихала меня в образовавшееся под ними пространство. Я обнюхала ее ноги и услышала звук открывшейся двери.

– Та-дам! – пропела женщина. Я узнала голос – это Глория, мать Клэрити.

– Ты купила шубу! – раздраженно отреагировала на ее появление девочка.

– Тебе нравится? – спросила Глория. – Это лиса!

– Натуральный мех? Как ты могла!

Я решила, что, по правилам игры, мне пора выбираться из укрытия, и начала карабкаться в сторону головы Клэрити, но появилась ее рука и затолкала меня обратно.

– Ты так говоришь, будто я сама ее прикончила. Лиса была уже мертвой, когда я купила шубу. И не волнуйся, я уверена, что никто не ущемлял ее прав при жизни, сейчас их держат «на свободном выгуле».

– Ну да, ее прикончил кто-то другой, чтобы сделать твою шубу… Ты знаешь, как я отношусь к таким вещам.

– Не тебе носить.

– Я бы в жизни такое не надела!

– Что ж, мне жаль твои чувства, но шуба мне нужна для поездки на лыжный курорт в Аспен, единственное место в мире, где не придется чувствовать себя виноватой, надевая мех. Ну, разве что еще в Альпах.

– Аспен? Когда ты едешь в Аспен? – Клэрити прижимала меня рукой, а я пыталась выбраться.

– В среду. И я подумала, неплохо бы нам завтра прошвырнуться по магазинам.

– Завтра же понедельник, мне надо в школу, – ответила Клэрити.

– Подумаешь, школа!.. Один день.

– Пойду съем йогурт.

Когда девочка выбралась из-под одеяла, оно мягко опустилось мне на голову. Я выскочила наружу, но слишком поздно, – Клэрити уже вышла из комнаты.

– Зря ты надеваешь эти шорты, – прокомментировала Глория, когда Клэрити закрывала дверь. – Они тебя полнят.

Оставшись одна на кровати, я определила, что расстояние до пола слишком велико для моих маленьких лап. Скуля от отчаяния, я начала бегать по покрывалу, время от времени останавливаясь возле мягкой подушки, чтобы вдохнуть запах моей девочки.

Дверь открылась, и Клэрити вошла в комнату. Я завиляла хвостом, а когда она склонилась надо мной, начала лизать ей лицо – от нее пахло сладким молоком. Нет ничего прекраснее, чем лизать лицо любимого человека, пока он не засмеется от радости!

Перед тем как вынести меня во двор, Клэрити засунула меня за пазуху, чтобы я не замерзла. Она похвалила меня за то, что я «присела» на травку, и накормила маленькими кусочками холодного соленого мяса. Их сильный вкус обжег мне язык.

– Молли, завтра я тебе еще дам, честно-честно. Тебе понравилась ветчина?

Той ночью я спала в объятиях Клэрити.

– Я люблю тебя, Молли, люблю, – шептала она, поглаживая меня.

Проваливаясь в сон, я чувствовала прикосновение ее руки. За этот день произошло столько событий и я так устала, что ни разу за ночь не проснулась. Клэрити встала, когда солнце только вышло из-за горизонта, оделась и понесла меня во двор сделать дела, но очень осторожно, и разговаривала со мной едва слышным шепотом. Мой крошечный мочевой пузырь чуть не разорвался. Потом она понесла меня вниз по какой-то лестнице, и мы оказались в подвале.

– Молли, здесь, под лестницей, мой тайник, – прошептала она. – Я зову его своим клубом. Смотри, вот тебе подушка, а вот – водичка. Только сиди тихо, ладно? Я не поеду по магазинам с Глорией, но мне нужно ненадолго уйти. Обещаю вернуться очень скоро, ты и не заметишь, что меня не было. Только не гавкай. Пожалуйста, Молли, сиди тихо.

Я понюхала воздух в этом маленьком пространстве, таком крошечном, что Клэрити приходилось садиться на корточки, чтобы в нем уместиться. Она дала мне еще несколько кусочков соленого мяса, и по тому, как она меня погладила, я поняла – моя девочка собирается уходить. Поэтому, когда она резко поднялась и начала задвигать выход коробками, чтобы я не выбралась, я конечно же рванулась вперед.

– Молли! – шикнула Клэрити.

Я завиляла хвостом, надеясь, что она почувствует мое нежелание оставаться в этом замкнутом пространстве размером с будку. По-моему, я ясно дала понять еще там, в доме Дженнифер, что хочу быть с ней. Она подняла меня и затолкала назад. На этот раз я не успела выскочить, и коробки загородили мне выход. Что она делает?

– Веди себя хорошо, Молли, – сказала Клэрити из-за коробок. – Сиди тихонько и не гавкай.

Я вздремнула, потом нашла пластмассовую игрушку и пожевала ее немного, но после того, как мне пришлось «присесть» в углу, крохотное местечко под лестницей утратило весь свой шарм. Я тявкнула – даже в маленьком пространстве мой писклявый голос звучал жалко. Но раз уж я начала лаять, останавливаться не было смысла.

Услышав шаги наверху, я замерла и навострила уши, однако ни Клэрити, ни Глория не пришли мне на помощь, и я начала снова.

Затем донесся звук открывающейся двери наверху, и ко мне начали приближаться шаги, а когда они зазвучали прямо над головой, я залаяла изо всех сил.

Я подумала, что в подвал спустилась Клэрити, но потом услышала кое-что очень странное: человеческий вой, что-то среднее между плачем и криком. Ужасный звук боли или, может быть, страха. Что там творится? Немного испугавшись, я прекратила лаять. Из-за коробок повеяло сильным запахом – цветы, масло и мускус.

Вверху открылась и захлопнулась дверь. Затем я опять услышала шаги и почуяла, что кто-то стоит у лестницы.

– Глория, ты внизу? – донесся голос Клэрити.

Жалобное завывание продолжалось. Я молчала – никогда в жизни я не слышала, чтобы человек издавал такой звук.

– Глория! – позвал голос Клэрити.

Затем я услышала громкий крик:

– Аааааа! – Я узнала голос Глории.

– Аааааа! – Это была Клэрити.

Я заскулила: что происходит?

– Клэрити Джун, ты меня до смерти напугала, – задыхаясь, сказала Глория.

– Почему ты не отвечала? Что ты здесь делаешь? – спросила ее Клэрити.

– Я пела! У меня наушники! Почему ты дома? Что в твоей сумке?

– Я забыла кое-что. Собачий корм. У нас в школе проводится благотворительный сбор продуктов.

– Ты думаешь, в таких случаях прилично сдавать собачий корм?

– Мама! Это не для людей, а для их собак.

– Ты хочешь сказать, что они не могут прокормить себя, но держат собак? Куда катится эта страна…

– Соберешь постиранное белье? Я помогу сложить, – сказала Клэрити. – Давай отнесем его наверх.

Мне очень, очень хотелось есть.

Глава седьмая

Клэрити действительно вернулась. Я ликовала, а еще меня очень обрадовала миска с едой у нее в руках.

– Наконец-то она ушла. Молли, бедняжка, прости!

Я нырнула мордочкой в миску и начала смачно хрустеть, а когда во рту пересохло, то выпила столько воды, сколько смог вместить мой животик. Потом Клэрити отнесла меня во двор, где светило солнце, пели цикады, а теплая травка пахла свежестью. От радости я плюхнулась на землю и начала валяться, Клэрити улеглась рядом со мной. Мы немного поиграли в «тащи полотенце», но меня так изнурило утреннее гавканье, что, когда она взяла меня обниматься, я тут же глубоко заснула.

Проснулась я опять в ужасной «будке» под лестницей. Зато как только я затявкала, послышались шаги, и Клэрити раздвинула коробки.

– Молли! Шшш! Тихо!

Конечно же, я поняла, что она имеет в виду: когда я захочу ее увидеть, нужно просто залаять.

Мы с Клэрити еще немного поиграли в подвале, и она снова меня покормила. Когда мне пришлось сделать свои дела на бетонном полу, она все вытерла и совсем не сердилась, что я не дождалась, пока она вынесет меня во двор. Клэрити обняла меня и расцеловала. В ней было столько любви, что я завизжала от счастья.

Мы играли и играли, пока я не заснула. Клэрити даже пришлось будить меня, когда ей снова захотелось пойти поваляться во дворе в ночной прохладе. На этот раз все цикады спали. Как же здорово играть во дворе, когда вокруг тишина!

На следующее утро я услышала наверху громкие звуки, а потом голос Глории:

– Убавь громкость!

Я залаяла и начала царапать коробки, загораживающие мне выход, надеясь, что Клэрити спустится и мы поиграем.

Когда я услышала звук и ощутила вибрацию хлопнувшей двери, то притихла, пытаясь понять, что происходит. Меня опять оставили одну? Нет, наверху кто-то был, я слышала шаги. Потом почувствовался сквозняк от открывшейся двери, коробки раздвинулись, и я оказалась прямо в объятиях Клэрити. Сердце выпрыгивало у меня из груди от радости. Пора веселиться!

– Ты должна вести себя тихо-тихо, – сказала она мне, пронесла меня через двор за ворота и посадила на землю. Мы пошли на прогулку, а потом катались на машине (я на переднем сиденье!), а затем пошли в парк и весь день там играли. Кроме нас в парке была только женщина с маленьким черным песиком по имени Иди Сюда Майло.

Черный песик сразу подбежал ко мне, я моргнула и смиренно прижалась к земле, показывая, что я щенок и не представляю никакой опасности.

– Иди Сюда Майло! – звала женщина снова и снова.

Черный песик грубо опрокинул меня мордой. Клэрити тут же подошла, подняла меня и уложила в колыбельку из руки, прямо как Дженнифер, когда кормила нас странным молоком.

Когда Иди Сюда Майло ушел, Клэрити опустила меня на землю, и мы начали играть. От счастья я вновь начала тявкать и кружиться.

– Завтра она уезжает, – сказала Клэрити. – Мне нужно спрятать тебя еще на одну ночь, а потом ее не будет целую неделю. Не лай сегодня, пожалуйста.

Я жевала палку.

– Не знаю, что делать, Молли. Она ни за что не разрешит мне тебя оставить. – Клэрити схватила меня и сильно прижала к себе. – Я так тебя люблю!

Любовь била из нее фонтаном, но я была очень занята палкой и лишь завиляла хвостом в ответ.

Придя домой, Клэрити опять отнесла меня вниз и посадила в «будку» под лестницей, задвинув коробками. Я высказала негодование безостановочным лаем, и она тут же появилась снова.

– Не гавкай, Молли, хорошо? Мать вернется с минуты на минуту.

Она задвинула коробки. Устав за весь день от игр, я задремала, однако вскоре проснулась, услышав, как хлопнула входная дверь.

– Я дома! – прогремел голос Глории. – Что я купила в универмаге, закачаешься!..

Вот уже несколько дней я чую запах Глории, но пока у меня не было возможности с ней поздороваться. Вероятно, она, как и Клэрити, будет счастлива меня видеть. Я пару раз тявкнула и принялась ждать, но в ответ слышала только разговоры. Залаяв снова, я получила желаемый результат – открылась дверь, и Клэрити раздвинула коробки.

– Молли, ну пожалуйста, сиди тихо!

Она покормила меня, посадила за пазуху и вынесла за ворота на улицу. Потом мы очень долго гуляли, а когда вернулись, уже было темно и прохладно, и моя девочка запихнула меня обратно в «будку».

– Ложись спать, Молли, ладно? Спи.

Я попыталась выскользнуть, пока она задвигала коробки, но опоздала. Клэрити побежала вверх по грохочущей лестнице, хлопнула дверь, и наступила тишина.

Немного подремав, я проснулась и заскулила, вспомнив о своем одиночестве. Я представила, как Клэрити лежит одна в кровати наверху и скучает по мне, от этого я еще больше загрустила. Знаю, она думает, что мне нравится лежать на мягкой подушке под лестницей, но на самом деле я хочу быть с ней. Я залаяла – ответа не было, и я продолжала лаять.

– Что за шум, Клэрити? – завопила Глория. Я услышала бегущие шаги и звук открывающейся наверху двери.

– Думаю, это снизу! – прокричала Клэрити в ответ. Я завиляла хвостом, услышав, как она спускается по лестнице. – Не вставай, Глория, я разберусь.

– Похоже, какое-то животное! – ответила ей Глория.

Я залаяла.

– Вот, опять! – прошипела Глория. – Это собака! В нашем доме собака!

Клэрити отодвинула коробки, и я бросилась к ней, облизывая ее лицо.

– Боже! Это лиса! – прокричала она. – Не подходи!

– Лиса? Ты уверена?

– К твоему сведению, лисы тоже лают, Глория.

– Что здесь делает лиса? Как она попала в дом?

– Наверное, ветром открыло дверь в подвал, и лиса забежала, почуяв запах твоей дурацкой шубы. – Клэрити улыбалась мне. Мы играли в «тащи полотенце», но она не очень старалась.

– Странно, не может этого быть, – ответила Глория.

– У них очень острый нюх! Я попробую напугать ее и выгнать на улицу, – сказала Клэрити.

– Ты уверена, что это лиса? Живая лиса?

– Я знаю, как выглядят лисы. Это лисенок.

– Надо позвонить в полицию.

– Так полиция и приедет из-за лисы. Я просто выгоню ее из дому. Отойди от лестницы – она может сейчас выбежать.

Глория ахнула и хлопнула дверью. Клэрити схватила меня и выскользнула через заднюю дверь на ночной двор. Мы выбежали за ворота, но она меня не опускала, пока мы не оказались за углом.

Я не поняла, в какую игру мы играли, однако, отряхнувшись и сделав свои дела на травку, я была готова ее продолжать. Мы ходили туда-сюда, а потом из-за угла выехала машина и остановилась рядом с нами. Окно опустилось, и я почуяла запах Рокки. Я встала лапами на металлическую дверь машины и попыталась заглянуть внутрь. Теперь я чуяла и запах Трента.

– Трент, спасибо за помощь.

– Порядок, – ответил Трент.

Клэрити подняла меня и передала ему через окно. Я перебралась через грудь Трента, лизнув его в знак приветствия, и обнюхала сиденье.

Хотя Рокки в машине не было, его запах был свежим – мы оба собаки переднего сиденья.

Мы поехали домой к Тренту, но без Клэрити. Это меня очень расстроило, и когда машина начала отъезжать, я заскулила. Зато дома у Трента я увидела Рокки! Мы были вне себя от радости и сразу же начали бороться в гостиной, во дворе, в спальне Трента. Вечер так и прошел – с нами играли все: Трент, его младшая сестра и даже родители. Я заснула прямо посреди веселья – вымотанная событиями дня, просто отключилась и даже не реагировала на Рокки, который продолжал меня жевать.

Проснувшись следующим утром, мы снова принялись за игру. Рокки был чуть больше меня и, видимо, очень любил Трента, потому что иногда он резко прерывал возню и бежал к нему за похвалой и ласками. В такие моменты я скучала по Клэрити, однако каждый раз, когда я начинала о ней думать, Рокки запрыгивал на меня, и мы продолжали бороться. Я уговаривала себя, что она приедет за мной. Так в конце концов и произошло.

После обеда мы снова боролись во дворе и вдруг услышали лязг ворот. Мы тут же бросили свое занятие и ринулись посмотреть, кто пришел. Клэрити! На радостях мы оба набросились на нее, но мне пришлось зарычать на брата: он подумал, что играет в ее жизни такую же важную роль, как и я.

Клэрити и Трент смотрели, как мы с братом бесимся во дворе. Я пыталась показать ей, что в любой момент могу прижать Рокки, но он и не собирался подыгрывать.

– Ну что, она уехала? – спросил Трент.

– Нет еще. Самолет в час. Я ей сказала, что мне рано в школу, и ушла.

– А в школу пойдешь?

– Не сегодня.

– Сиджей, нельзя так часто пропускать занятия.

– Я нужна Молли.

Я замерла, услышав свое имя, Рокки этим воспользовался и запрыгнул мне на спину.

– Что полезного для жизни может мне дать школа?

– Это же старшие классы, школа – твой пропуск в будущее, – сказал Трент.

– Пойду в понедельник, – ответила ему Клэрити. – Хочу провести неделю с Молли, пока нет Глории.

– А когда Глория вернется, то что?

– Трент, я не знаю! Невозможно все планировать заранее. Что будет – то будет, ясно?

Мы с Клэрити поехали кататься на машине, и я была на любимом переднем сиденье. Мы приехали в парк, где было много травы, но всего лишь одна неприветливая коричневая собака, интересы которой ограничивались прогулкой с хозяином вдоль тропинки. Потом мы вернулись домой, и, слава богу, меня не запихали в тесную «будку» под лестницей, а позволили побегать по дому. Я чуяла запах Глории, но ее нигде не было.

Я спала в кровати Клэрити, от радостного волнения то и дело просыпаясь и целуя ее в лицо. Она ворчала и отталкивала меня. В конце концов сошлись на том, что она позволила мне мягко пожевывать ее пальцы каждый раз, когда мне этого хотелось. Так мы и провели всю ночь.

На следующий день пошел дождь, и мы играли дома, выходили, только чтобы я сделала свои дела в мокрой траве.

– Молли, сюда! – позвала меня Сиджей.

Я быстро засеменила к ней по коридору, и запах Глории становился все сильнее и сильнее. Сиджей улыбалась и кивала мне, а я смотрела на нее с любопытством. Она распахнула дверь, и меня чуть не снесло волной невыносимых запахов Глории.

– Видишь собаку в зеркале?

Услышав слово «собака», я поняла, что мне надо зайти в комнату.

Я зашла и остановилась как вкопанная: на меня смотрела другая собака, похожая на Рокки! Я кинулась к ней – и тут же отпрянула от удивления, когда собака агрессивно бросилась на меня. Причем от нее вообще не исходило никаких запахов. Я виляла хвостом, и она виляла. Я пригнулась, и она пригнулась одновременно со мной.

Мне это показалось очень странным, и я залаяла. Собака тоже залаяла, только без звука.

– Поздоровайся, Молли! Хватай ее!

Я еще полаяла, а затем подошла к собаке и обнюхала ее. Да там просто видимость собаки!.. Очень странно.

– Видишь собаку, Молли? Видишь?

Я не знаю, что за игру затеяла Сиджей, но меня она не увлекла. Я отвернулась и начала нюхать под кроватью, где стояла пыльная обувь.

– Молли, молодец, – сказала Сиджей. Я любила похвалы, однако искренне обрадовалась, когда мы вышли из комнаты. В непонятной «собаке» без запаха было что-то тревожное.

Следующим утром все во дворе было влажным и ароматным. Я понюхала пару червяков, но есть их не стала – горький опыт научил меня, что запах у них гораздо лучше вкуса.

Только мы зашли домой, как в дверь позвонили. Я подбежала и начала лаять. Сквозь дверное стекло просвечивала тень.

– Молли, осторожно, отойди. – Клэрити приоткрыла дверь.

– Клэрити Махони? – спросила женщина из-за двери.

Я просунула мордочку в щель и попыталась протиснуться наружу, но Клэрити впихнула меня обратно. Я завиляла хвостом, чтобы женщина поняла, что я гавкала на нее не от злости, а просто выполняла свою работу.

– Все зовут меня Сиджей, – ответила Клэрити.

– Сиджей, я офицер Луэллин, школьный контролер. Почему ты не в школе?

– Я болею. – Сиджей отвернулась и закашляла. Женщина глянула на меня сверху, и я завиляла хвостом сильнее. Давайте уже все вместе выйдем на улицу и поиграем.

– Где твоя мать?

– Пошла за лекарством, – ответила Сиджей.

На пару мгновений воцарилась тишина. Я зевнула.

– Мы оставили ей несколько сообщений. Она так и не перезвонила, – сказала женщина.

– Она очень занята – продает недвижимость.

– Ну ладно, передай ей это. Хорошо? – Женщина вручила Клэрити бумажку. – Ты пропустила очень много занятий, Сиджей. Мы переживаем за тебя.

– Я много болею в последнее время.

– Передай матери. Я буду ждать ее звонка. Пусть звонит в любое время, а если меня не будет, оставит сообщение. Договорились?

– Да.

– До свидания, Сиджей.

Клэрити закрыла дверь и пошла в кухню.

– Надо поесть мороженого, – сказала она, положив в мою миску восхитительное холодное угощение.

Потом села за стол и начала безудержно есть. Доев свою порцию, я тоже уселась и пристально на нее уставилась, но добавки так и не получила. Закончив, Клэрити сложила бумажки в ведро под раковиной, и я почуяла тот же сладкий запах. Почему мне не дали их вылизать? Странные эти люди – выкидывают такую вкуснятину.

Потом Клэрити зашла в ванную и встала на маленький квадратный ящичек, чуть больше собачьей миски.

– Два с половиной фунта? Черт! Вот я дура! – расстроенно прошипела она.

Клэрити встала на колени над унитазом, и ее вырвало. Я в отчаянии металась сзади, чувствуя ее боль и огорчение. В воздухе появился запах сладостей, которые она до этого ела, потом она потянула ручку унитаза, и с ревом воды запах исчез.

Через пару дней наша жизнь вошла в счастливую рутину. Каждое утро на несколько часов подряд Клэрити закрывала меня в моей крошечной «будке» в подвале. Около полудня она возвращалась, мы играли, она прибирала за мной, кормила, а потом сбегала вниз по лестнице, зовя: «Молли!», и мы шли во двор играть. Вернувшись домой, мы оставались вместе до следующего утра. Я предположила, что она уходит в школу, как когда-то мой мальчик Итан. Сейчас школа мне нравилась ничуть не больше.

Каждый вечер мы с Клэрити играли в игру: она загораживала меня коробками под лестницей, а сама оставалась снаружи, но не отходила далеко, чтобы я чуяла ее запах. Если я начинала скулить или лаять, она раздвигала коробки и очень грубо говорила: «Нет!» Если я сидела тихо, то получала угощение. Постепенно время, на которое она оставляла меня в «будке», становилось все дольше, и каждый раз я получала угощение. Я поняла: Клэрити хочет, чтобы пока она находится по другую сторону коробок, я сидела тихо. Но мне совсем не нравилось сидеть там в одиночку, есть игры и повеселее.

Иногда Клэрити оставляла меня там на ночь – по ошибке, конечно, ведь я слышала ее шаги наверху и знала, что она дома. Но стоило мне залаять, Клэрити тут же спускалась и кричала: «Нет!» А когда, наконец, я сдавалась и укладывалась спать, она будила меня и давала угощение. Вот как все это понимать?

Однажды Клэрити сказала: «Ну все, она идет. Давай покажем наш трюк», отвела меня в подвал и задвинула коробками. Я сидела тихо. Потом я услышала шаги и голоса – приехала Глория.

Я сидела тихо.

Потом Клэрити спустилась, дала мне превкусное угощение, и мы отправились на долгую прогулку. Я даже почуяла кролика! Когда стемнело, она отвела меня обратно в «будку», и с тяжелым вздохом я улеглась. Не издав ни звука за всю ночь, рано утром я опять получила вкусное угощение и прогулку.

– Будь хорошей девочкой, сиди тихо. Я люблю тебя, Молли. Люблю тебя, – сказала Клэрити и ушла. Я подремала немножко, а позже услышала шаги Глории наверху. Интересно, она знает, что мне нужно давать угощение, когда я сижу тихо?

В этот раз Клэрити плохо задвинула коробки, и когда я ткнула носом в одну из них, мне удалось сдвинуть ее вбок ровно на столько, чтобы просунуть голову. Извиваясь и раздвигая коробки плечами, я сумела выбраться наружу!

Хотя я уже подросла, чтобы ходить по ступенькам самостоятельно, подняться наверх было не так-то просто. Когда я добралась до последней ступеньки, раздался звонок. Я услышала, как Глория прошла по коридору, чтобы открыть входную дверь.

Я выбежала в гостиную и остановилась понюхать чемодан на полу, которого раньше здесь не было.

– Я вас слушаю – сказала Глория, стоя в дверном проеме. Ветерок, дунувший с улицы, принес ароматы восхитительной травки и деревьев, а еще невообразимо сильный цветочный запах Глории, который практически заглушал все остальные.

– Мисс Махони? Я офицер Луэллин, школьный контролер, ответственный по делу Сиджей. Она передала вам уведомление?

Я подбежала к Глории, чтобы поздороваться. Офицер, стоявшая на пороге, взглянула на меня, когда я подошла.

– Уведомление? О чем вы говорите?

– В этом семестре ваша дочь пропустила очень много занятий.

Несмотря на то что я стояла совсем рядом с ней, Глория меня не замечала. Чтобы привлечь ее внимание, я положила лапу ей на ногу. Глянув вниз, она завизжала.

Глава восьмая

Глория выскочила на крыльцо, и я выбежала за ней, виляя хвостом.

– Это не лиса! – завопила она.

Вторая женщина наклонилась и погладила меня. Ее руки были теплыми, мягкими, пахли орехами и мылом.

– Лиса? Конечно нет, это щенок.

– Что *оно* делает в моем доме?

Женщина выпрямилась.

– Вам лучше знать, мэм, это же ваш дом. Когда я приходила на прошлой неделе, собака уже была здесь с вашей дочерью.

– Не может быть!

– Ладно… Вот. – Женщина передала Глории какую-то бумагу. – Повестка в суд. Вам надо явиться вместе. Ваша дочь – несовершеннолетняя, и вы несете за нее ответственность.

– А что с собакой?

– Простите?

Услышав слово «собака», я села. Глория казалась чем-то расстроенной, зато вторая женщина была в хорошем расположении духа, и я решила, что вполне могу рассчитывать на угощение. Орехи я любила все, даже соленые, которые обжигали язык.

– Забирайте собаку с собой, – сказала Глория.

– Я не могу, мэм.

– То есть старшеклассница, пропустившая пару занятий, беспокоит вас больше, чем затравленная собакой женщина?

– Да, именно так.

– Ничего глупее в жизни не слышала! Что же вы за полицейский?

– Я – школьный контролер, мисс Махони.

– Я подам на вас официальную жалобу комиссару полиции.

– Хорошо. А пока до встречи в суде. – Женщина развернулась и прошла прочь – похоже, угощения мне не будет.

– Что делать с собакой? – прокричала ей вслед Глория.

– Позвоните в службу отлова бездомных животных, мэм.

– Ладно, позвоню, – пробурчала Глория. Я собиралась войти в дом вслед за ней, но съежилась от страха, когда она заорала: «Нет!» – и захлопнула дверь прямо перед моим носом.

Я вышла в палисадник – день был просто замечательный – и засеменила по дорожке прочь от дома, обнюхивая кусты: может, где-нибудь здесь меня ждет кролик.

Палисадники вдоль улицы напомнили мне дом Итана, где он жил до переезда на Ферму: довольно много места для игр и такие же заборчики из кустов. Воздух наполняли сладкие ароматы цветов. Я чуяла собак, кошек и людей – и ни следа запаха уток или коз. Иногда мимо проезжала машина, добавляя в воздух металлические и масляные нотки.

Я чувствовала себя плохой собакой из-за того, что бродила по улице одна, без поводка, но ведь Глория сама выпустила меня, поэтому, наверное, все в порядке.

Примерно через час обнюхивания и обследования я услышала приближающиеся шаги, и какой-то мужчина позвал меня: «Эй, щеночек!» Моим первым желанием было подбежать к нему, однако я остановилась, увидев в его руке палку со свисающей петлей. Он начал подходить ко мне, направляя конец с петлей в мою сторону.

– Иди сюда, хорошая девочка, – говорил он мне.

Я прямо-таки ощутила петлю на шее и отпрыгнула назад.

– Ну, не убегай, – мягко уговаривал он.

Я пригнула голову и побежала, пытаясь проскользнуть мимо мужчины, но он сделал резкое движение, и в следующий миг я уже извивалась в петле на конце палки.

– Попалась! – обрадовался он.

Я была напугана. Это неправильно. Я не хотела идти с мужчиной, который тянул меня на палке к грузовику. Веревка вокруг шеи затянулась, направляя мою голову к колесам, потом он поднял меня в воздух, послышался лязг металла, и я очутилась в клетке внутри кузова.

– Эй!

Мужчина обернулся на звук приближающихся шагов.

– Эй! – Это была Клэрити. – Что вы делаете с моей собакой?

– Подожди, подожди. – Мужчина вытянул руки, как бы успокаивая ее. Клэрити стояла перед ним, тяжело дыша. Я оперлась лапами о металлическую сетку и завиляла хвостом, обрадовавшись, что снова ее вижу.

– Вы не можете забрать мою собаку, – сердито сказала ему Клэрити.

Мужчина скрестил руки на груди.

– Собака поедет со мной. К нам поступили жалобы, что она бегает без присмотра.

Я тявкнула, чтобы Клэрити знала – вот она я, жду.

– Жалобы? Молли щенок! Кто может пожаловаться на щенка? Что, Молли кого-то слишком растрогала?

– Неважно. Если это твоя собака, можешь забрать ее из приюта завтра в любое время после обеда. – Мужчина развернулся, чтобы уйти.

– Подождите! Она всего лишь… – По лицу Клэрити потекли слезы. Я заскулила, сгорая от желания осушить их поцелуями. – Ей будет очень плохо, если вы ее сейчас заберете. Я взяла Молли из приюта, она была брошена предыдущими хозяевами. Пожалуйста, пожалуйста. Я не знаю, как ей удалось выбраться из дому, но я обещаю, это не повторится. Честно-честно. Пожалуйста.

Мужчина сделал глубокий вдох, опустил плечи и медленно выдохнул.

– Ну… ладно. Тебе придется привить ее, вставить чип и провести стерилизацию через несколько месяцев. Договорились? Таков закон.

– Я все сделаю, обещаю.

Игра в грузовик была окончена. Мужчина открыл клетку, Клэрити вытащила меня и прижала к себе. Я начала целовать ее в лицо, а потом взглянула на мужчину – может, и он ждет поцелуя.

– Хорошо, ступай, – сказал он.

– Спасибо! Спасибо! – радостно ответила Клэрити.

Грузовик отъехал. Она стояла и провожала его взглядом, все еще держа меня на руках.

– Жалобы, – пробормотала Клэрити.

Она несла меня домой, и я слышала, как громко билось сердце у нее в груди. В прихожей она опустила меня на пол. Прямо передо мной лежал листок бумаги, от которого исходил запах женщины, недавно стоявшей на крыльце. Клэрити подняла его и начала рассматривать.

– Клэрити! Это ты? – Глория вышла из-за угла и остановилась, уставившись на меня. Я завиляла хвостом и направилась к ней, чтобы поздороваться, но Клэрити нагнулась и взяла меня на руки.

– Что это? Что ты делаешь? – потребовала объяснений Глория.

– Это Молли. Она… Она моя собака. – Руки Клэрити дрожали.

– Нет, – ответила Глория.

– Что ты имеешь в виду? Нет – «не Молли» или нет – «не собака»?

– Гони ее вон! – заорала Глория.

– Нет! – крикнула Клэрити в ответ.

– В моем доме не будет собаки!

– Нет, она остается!

– Ты сейчас не смеешь и слова мне сказать. Знаешь, во что ты вляпалась? Приходила женщина, офицер отдела по делам несовершеннолетних, хотела арестовать тебя за то, что ты не посещаешь школу.

Клэрити опустила меня на пол.

– Нет! Убери это животное с моего ковра!

После таких криков я старалась держаться от Глории подальше.

– Это всего лишь собака, твоему ковру ничего не будет. Она только что сделала свои дела во дворе.

– Собака? Ты уверена, что это не лиса?

– А что, тебе нужна еще одна шуба?

Я побрела к дивану, но под ним ничего не было, кроме запаха пыли. На самом деле большинство ароматов в этом доме исходило от Глории.

– Эта тварь собирается поднять ногу на мой диван! Я вызываю службу! – пронзительно завопила она.

– Ты бы хоть прочла, что здесь написано. – Клэрити потрясла бумагой, а я внимательно наблюдала, любопытствуя, бросит ли она ее на пол. – Это, кстати, повестка в суд, и тебе придется туда пойти.

– Да, я им пожалуюсь, что ты совершенно неуправляема.

– А я объясню почему.

– Почему что?

– Почему мне удалось пропустить столько занятий в школе. Ты постоянно в разъездах, оставляешь меня дома одну без присмотра с тех пор, как мне исполнилось двенадцать. Совсем одну!

– Поверить не могу… Ты же хотела быть одна! Няню ты ненавидела.

– Ненавидела, потому что она алкоголичка! Она даже как-то заснула за рулем, прямо на дороге.

– Если ты пытаешься намекнуть, что я недобросовестная мать, то я просто позвоню в социальную службу, – и наслаждайся жизнью под опекой в приюте!

Я повертелась на месте и улеглась на мягкий коврик. Но была так взволнована из-за этой ссоры, что через пару секунд опять вскочила.

– Именно. Ты просто оставишь меня в коробке на крыльце, а они, проезжая по вторникам, ее подберут.

– Ты поняла, что я имею в виду.

– Да, ты позвонишь в социальную службу и скажешь им, что больше не хочешь быть матерью. Потом будет слушание. И судья поинтересуется, с кем я была, когда ты уехала на всю неделю в Аспен, и с кем я была, когда ты уехала в Вегас, и с кем я была, когда ты уехала на месяц в Нью-Йорк. И знаешь, что он скажет? Он скажет, что тебя надо посадить в тюрьму. И все в нашем районе об этом узнают. Они будут смотреть, как тебя в наручниках и с шубой на голове ведут к патрульной машине.

– Моя мать оставляла меня одну, даже когда я была моложе тебя. И я не жаловалась.

– Мать, которая избивала тебя садовым инструментом? Которая сломала тебе – восьмилетнему ребенку – руку? Я б на твоем месте тоже не жаловалась.

– Суть в том, что я не умерла. И ты не умрешь.

– Суть в том, что они арестовали твою мать, арестуют и тебя, Глория. Сейчас законы намного строже. Теперь, чтобы оказаться за решеткой, не обязательно отправлять своего

ребенка в больницу. Разве что, – добавила Клэрити низким голосом, – ты разрешишь мне оставить Молли.

– Не понимаю.

– Заявлю судье, что я тебя обманывала: говорила, что хожу в школу, а на самом деле не ходила. Скажу, что ты не виновата.

– Я и так не виновата!

– Или я могу рассказать ему о том, как ты постоянно оставляешь меня дома одну, разъезжая со своими бойфрендами. Предлагаю договор: я оставляю Молли и вру судье. Если ты попробуешь заставить меня избавиться от нее, я выложу всю правду.

– Ты отвратительна, как и твой отец.

– Черт, Глория, этим меня уже не проймешь – наслышалась. Так что будем делать?

Глория вышла из комнаты, а Клэрити подошла и погладила меня, тогда я наконец успокоилась, свернулась на коврике и заснула. А когда проснулась, то Глории в доме уже не было. Клэрити сидела на кухне. Я поднялась, зевнула и отправилась проверить, чем она занимается. В воздухе витал вкуснейший аромат.

– Молли, хочешь гренку? – В ее голосе звучала печаль, но она угостила меня гренкой. Потом встала из-за стола и открыла контейнер: воздух опять наполнился манящим запахом гренок. Клэрити уронила на пол крышку, и я погналась за ней, царапая гладкий пол когтями.

– Тебе понравилась крышка? Ладно, играй.

Я лизала свою новую игрушку – она восхитительно пахла, но есть там было нечего, и тогда я стала просто ее жевать. Клэрити поднялась из-за стола и, пока я самозабвенно предавалась новому развлечению, сделала еще гренок, а потом еще и еще.

– Хлеб кончился, – сказала она и выкинула пластиковый пакет в ведро.

Я завиляла хвостом, думая, что сейчас мы станем играть вместе, но Клэрити подошла к кухонной стойке, открыла новый пакет с хлебом и продолжила делать гренки. Она толкнула ногой игрушку, та заскользила по полу, и я на нее прыгнула. После этого каждый раз, когда Клэрити вставала из-за стола, чтобы сделать еще гренок, она толкала ногой мою игрушку, а я за ней гналась. Я обнаружила, что если поставить на нее передние лапы, то можно проехаться до самой стены. Замечательно!

– Все, гренки закончились. Пошли, Молли, – позвала Клэрити, и я засеменила вслед за ней в спальню.

– Молли, хочешь спать здесь? – Она пригласила меня на кровать, я запрыгнула к ней, вцепилась в подушку зубами и начала ее трясти.

Как ни странно, Клэрити играть не хотела – она лежала на спине с широко раскрытыми глазами. Я положила голову ей на грудь и почувствовала, как ее пальцы начали перебирать мою шерсть. Ее настроение изменилось – она снова погружалась в темную бездну печали. Мы лежали, обнявшись, и я надеялась, что тепло моего тела поднимет ей настроение. Я подползла поцеловать ее в лицо, которое пахло маслом и гренками, с примесью еще одного сладкого запаха, который был на моей игрушке, но она отвернулась, простонав: «Боже».

А потом вскочила и выбежала в ванную, я услышала характерный звук и почуяла сладкий запах гренок. Ее опять рвало. Перед тем как подняться и рассмотреть свои зубы в зеркале, она несколько раз смыла воду в унитазе. Затем встала на плоский ящичек и простонала: «Девяносто девять фунтов. Какой ужас».

Я поняла, что ненавижу этот ящичек, он всегда доставлял Клэрити боль.

– Молли, пойдем спать.

На этот раз она не отнесла меня в подвал, а разрешила спать рядом с собой. И снова от счастья, что мы проведем эту ночь вместе, я не могла уснуть. Клэрити положила на меня руку и начала гладить, а я свернулась калачиком и прижалась к ней. Засыпая, я чувствовала, как меня наполняет ее любовь и моя в ответ наполняет ее. Я не просто охраняла ее из чув-

ства преданности; я любила Клэрити, целиком и полностью, насколько собака может любить человека. Итан был моим мальчиком, Клэрити – моей девочкой.

Позже меня разбудил разговор Глории с мужчиной на крыльце. Он засмеялся, машина завелась и отъехала, а потом хлопнула входная дверь. Клэрити спала. В коридоре раздались шаги Глории. За время, проведенное в «будке» под лестницей, я научилась их узнавать.

Дверь из комнаты в коридор была открыта. Проходя мимо, Глория заметила меня в кровати Клэрити, остановилась и пристально на меня посмотрела. Сложный аромат ее духов начал проникать в комнату. Я слегка завиляла хвостом.

На этот раз она всего лишь смотрела на меня из полумрака коридора.

Глава девятая

У Клэрити было много друзей, которые приходили со мной поиграть, и постепенно я поняла, что теперь все зовут ее Сиджей. Люди иногда так делают – меняют имена. Меня-то по-прежнему зовут Молли, а Глорию по-прежнему зовут Глория или ма-ма. Кстати, только она все еще называет Сиджей Клэрити.

Бывало и наоборот – имена оставались прежними, а люди менялись. Например, Ветеринар. Раньше это была женщина, которую звали Доктор Дэб. Теперь Ветеринар был мужчиной, и Сиджей называла его Доктором Марти. Он тоже был хорошим, как и Доктор Дэб, у него были сильные нежные руки, а между губой и носом росли волосы.

Моим самым любимым другом Клэрити стал Трент, мальчик, который заботился о Рокки. Трент был выше Сиджей, с темными волосами, и от него всегда пахло Рокки. Когда он приезжал к нам, то обычно привозил с собой брата, и мы бесились во дворе – играли до тех пор, пока оба не валились на траву от изнеможения. Я любила лежать на нем сверху, тяжело дыша и зажав его лапу во рту, показывая так свою искреннюю любовь.

Рокки был крупнее и выше меня, но позволял придавить себя всякий раз, когда мне вздумается. В таких случаях я замечала, что его темно-коричневая мордочка такого же цвета, как мои лапы, хотя вообще-то он светлее меня. Когда начало теплеть, я обнаружила, что могу оценивать свой рост, глядя на Рокки. И кстати, мой брат больше не был неуклюжим щенком, и я тоже.

Рокки был безусловно предан Тренту. Прямо в разгаре игры он мог неожиданно прервать ее и побежать к Тренту за ласками. А я тогда бежала за ласками к Сиджей.

– Как ты думаешь, что он за смесь? Шнауцер-пудель? – спросила Сиджей. – Шнудель?

– Скорее, доберман-пудель, – ответил Трент.

– Дудель?

Я завиляла хвостом, услышав знакомую интонацию в голосе Сиджей, и дружелюбно ткнула ее носом. Когда Итан звал меня «бестолковкой», он произносил это слово точно так же, в нем было столько любви, сколько могло быть у мальчика к собаке. И нежность, с которой Сиджей сказала слово «дудель», напомнила мне о связи между моим мальчиком и Сиджей – моей девочкой.

– А может, смесь со спаниелем, – размышлял Трент.

– Молли, ты или шнудель, или спудель, или дудель, но вовсе не пудель, – объяснила мне Сиджей, держа меня возле своего лица и целуя меня в нос. Я виляла хвостом от удовольствия.

– Смотри. Рокки, сидеть! Сидеть! – скомандовал Трент. Рокки внимательно посмотрел на Трента, сел и замер. – Хороший пес.

– А я не учу Молли никаким трюкам, – сказала Сиджей. – Достаточно того, что моя жизнь полна приказов.

– Да ты что! Они это обожают. Правда, Рокки? Хороший мальчик. Сидеть!

Я знала это слово, поэтому в этот раз я тоже села одновременно с Рокки.

– Смотри! Молли поняла команду, просто глядя на Рокки. Хорошая девочка.

Я завиляла хвостом, услышав, что я хорошая девочка. Я знала и другие команды, просто Сиджей никогда мне их не давала. Рокки перевернулся на спину, чтобы ему почесали животик, а я впилась зубами в его шею.

– Слушай… – начал неуверенно Трент. Рокки замер, а потом выбрался из моего захвата. Я тоже это почувствовала – страх Трента. Рокки ткнулся мордочкой ему в руку, а я в это время смотрела на Сиджей – она улыбалась, глядя в небо, не чувствуя никакой опасности. – Сиджей, может… Может, пойдем на выпускной бал вместе?

– Ты шутишь? На выпускные балы с друзьями не ходят.

– Да, но…

– Что – но? – Сиджей повернулась, убирая волосы с лица. – Господи, Трент, пригласи какую-нибудь симпатичную девушку. Как насчет Сюзан? Я знаю, ты ей нравишься.

– Я не… Симпатичную? – замялся Трент. – Да ладно. Ты прекрасно знаешь, что ты симпатичная.

– Ага! Лузер. – Сиджей дружелюбно ударила его по плечу.

Трент сидел хмурый и смотрел себе под ноги.

– Ты что? – спросила Сиджей.

– Ничего.

– Ладно, пошли в парк.

И мы пошли гулять. Рокки постоянно нас задерживал, обнюхивая и помечая кусты, а я шла рядом с Сиджей. Она достала из кармана маленькую коробочку. Угощения там не было, зато был огонь, а потом изо рта Сиджей пошел едкий дым. Я знала этот запах: им была пропитана вся ее одежда, и он часто шел от ее дыхания.

– Каково это быть на испытательном сроке? Что-то типа домашнего ареста? – поинтересовался Трент.

– Да ничего особенного. Я просто должна ходить в школу. Хотя Глория ведет себя так, будто я настоящий преступник. – Сиджей засмеялась и закашлялась, вдохнув слишком много дыма.

– Зато она разрешила тебе собаку.

Мы с Рокки подняли головы, услышав слово «собака».

– Как только мне исполнится восемнадцать, я сразу уйду из ее дома.

– Правда? И что ты будешь делать?

– В крайнем случае пойду в армию. Или в монастырь. Мне надо дотянуть до двадцати одного.

Мы с Рокки нашли какую-то потрясающую дохлятину и начали ее обнюхивать, однако Трент и Сиджей не стали нас ждать и продолжали идти: поводки натянулись и оттащили нас, не дав даже хорошенько поваляться. Иногда люди дают своим собакам время обнюхать все важные вещи, но обычно они слишком спешат, и нам, собакам, приходится упускать прекрасные возможности.

– А что будет, когда тебе исполнится двадцать один? – спросил Трент.

– Я получу первую половину доверительного фонда, который оставил мне папа.

– Ух ты! А сколько?

– Около миллиона долларов.

– Вот это да.

– Авиакомпания заплатила компенсацию после катастрофы. Этих денег мне хватит, чтобы переехать в Нью-Йорк и всерьез заняться актерской карьерой.

Через пару домов от нас в траве прыгала белка. Осознав свою роковую ошибку, она замерла. Мы с Рокки пригнулись к земле и бросились на нее, натянув поводки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.